

Наталья Рубанова

ЛЮ:БИ

Наталья Рубанова

ЛЮ:БИ

«Автор»

Рубанова Н.

ЛЮ:БИ / Н. Рубанова — «Автор»,

Своеобразные «похождения души», скрывающейся под женскими, мужскими и надгендерными масками, – суть один человек, проживающий свою жизнь, играя, либо разучивая, те или иные роли. Как не переиграть? Как отличить «обыкновенное чудо» любви от суррогата – и наоборот? Персонажи Натальи Рубановой, переселяющиеся из новеллы в новеллу, постоянно ставят на себе чрезвычайно острые – *in vivo* – опыты и, как следствие, видоизменяются: подчас до неузнаваемости. Их так называемая поза – очередные «распялки» человеческого вивария. Но каждый ищет свой ответ на единственно важный вопрос. ЛЮ:БИ – это вопрос. ЛЮ:БИ – это самые разные love-story не только в формате «Он +Она».

© Рубанова Н.

© Автор

Содержание

[её университеты]	5
[литвинов]	9
[капроновая стрекоза]	16
[вспышка]	21
[монетки счастья]	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Рубанова

ЛЮ:БИ

новеллы и love-story

[её университеты]

У нее тогда опять «прорезалось», а не ехать нельзя было, и так из института за прогулы чудом не вышибли – вот и чеканила, будто по учебнику: «...цистит дефлорационный, цистит медового месяца, цистит посткоитусный, цистит беременной, цистит родившей, цистит постклимактерический, цистит инволюционный...»; я отмалчивался, а она вдруг нехорошо так хохотнула: «Виновен, старче!...»

Подошел рейсовый. Ее серые глазищи впились в стекла моих очков (разделительная полоса, лимит на проникновение в эрогенную зону мозга) – поцелуй же был сух, сух и скучен: я подумал, надо же, неужели это *она*, неужели это *ее* губы, нет-нет. Мы не знали, что увидимся уже в новом, будто б запрограммированном на обнуление, тысячелетии: две тысячи и одна ничемная ночь – *дошло до меня, о великий калиф...*

С. делано равнодушно вошла в автобус, но потом резко бросилась к окну и, вместо того чтобы просочиться, пройти **сквозь**, отчаянно вжалась в него: лисичка-сестричка, шатенка-бурка... твой нос расплющивается, становясь чернильно-черным – странно, думаю я, неужели у тебя нет слезостойкой туши, странно.

Родственник, как прозвала она единоутробного братца, кольцевался: С. не смогла проигнорировать событие, хотя выбор так до конца и не одобрила – мой (давнишний), впрочем, тоже: «Эк вас, ребята...» – покачав головой, она отвела взгляд от моей благоверной, которую видела впервые, и закурила. Но эти ее ключицы, подумал я. Сжать бы до хруста... как раньше – сжать бы... «Раньше?» – С. усмехнулась одними губами, **без глаз** усмехнулась, и разомкнула пальцы – мне показалось, специально разомкнула: что-то театральное сквозило в ее жестах, что-то наигранное... я опустил голову: ползущего по скатерти алого паука никто, кроме меня, не видел – и, если б не нарочито бодренькие выкрики тамады, гости, поглощающие горячие и холодные «блюда» (изысканный прононс официанточек: любая из них *пошла бы* со мной, любая: тоска!), давно перестали бы замечать и новоокольцевавшихся рабов г-на Б.

Мы сидели друг против друга – я видел, С. тяготеет обстановкой: интерьер пэгэтэшного кафе¹ и отдаленно не напоминал то, к чему худо-бедно привыкла она в «city», а уж о приглашенных – та еще компания – и говорить нечего. «*Автоматы не способны любить*, – сказала вдруг С., и зрачки ее расширились, – *они могут лишь обмениваться своими личными пакетами в надежде на чистую сделку, обрыв связи*»². Она частенько цитировала великих: вредная, на самом деле, привычка, один из «умных» способов так и не высказать **свое**... Мне захотелось раздеть, банально раздеть ее, может даже снять **шкурку** – здесь и сейчас, на свадьбе ее **родственника**: я знал, под черным атласным воротом, под строгой застежкой и тугим поясом прячется от меня перевернутый на спину ёжик: я мог погладить его, а мог и распороть ему брюшко... «Горько!» – распетушился тамада: я со странным сожалением

¹ ПГТ, поселок городского типа.

² Э. Фромм, «Искусство любить».

посмотрел на *брачующихся*, и плеснул водки. С. претворялась, будто ей нет до меня дела. Целующиеся на публику куклы напоминали пингвинов. Как странно, подумал я, как все странно... *до чего же С. красива? до неприличия?..*

Однажды она обронила, что бросит все и приедет, приедет **насовсем**. Я тут же спошил, заявив, будто не потерплю рядом с собой женщину без «вышки»: С. училась тогда на втором курсе того самого меда, который окончили когда-то и мы с ее братцем – конечно, мои слова показались ей жестокими... а ведь «злодей» помнил ее совсем юной, совсем еще дикой: вот она щелкает меня, едва переступившего порог, стареньким своим «Зенитом», вот откладывает томик Саган, чьи романы здорово задурили ей голову (как сейчас помню: «Смутная улыбка»), вот растерянно вертит жестяную банку (*кукумария с галатурией*, предмет моих постоянных насмешек); «а рот-то, рот-то в ягодах весь, да ты до лесных прогулок охотница, так бы и съел черничку твою, дядь'игорь, дядь'игорь, ха-ха-а вот и не достанешь, ха-ха-а вот и не догонишь, ха-ха-а вот и не...»

В ту пору С. еще не признавалась себе, что приезжает на каникулы вовсе не к брату, и поначалу претворялась, будто люто меня ненавидит – пусть понарошку, пусть... да кто теперь разберет?.. У нее было – впрочем, почему **было?** я наблюдал за передвижениями ее фигурки на протяжении всей свадьбы, напрочь забыв про кольцевавшихся – умопомрачительное (помрачающее рассудок: мой рассудок) тело, огромные серые глазищи с пляшущими в зрачках чертями и длинные каштановые волосы, абсолютно прямые, которыми она пыталась связать мне руки, стремясь – едва ли осознанно – привязать к себе по-настоящему... Штрих к портрету: она могла не вставать *с мата* – а «прелюбодействовали» мы, как сказала бы моя благоверная, на спортивных матах – сутками: вот оно, ложе... Я пробавлялся тогда лечфизкультурой – в моем **ведении** находились спортзал да кабинет нескладного, построенного пэгэтэшной администрацией специально для «крутых» своих пьянок, оздоровительного комплекса. Странно, слово «командировка» – какая? куда? – все еще действовало на женщину, взявшую – всегда казалось, взявшую **взаймы**, будто б поносить – мою фамилию. Нас связывало общее студенчество, все тот же лечфак – и точка: моя будущая жена оказалась единственной из группы, не пролепетавшей *ялюблютебяигорь*, поэтому, собственно, все и сложилось. Лет несколько я был если не счастлив, то вполне доволен жизнью – или мне так казалось, не знаю... казалось до тех самых пор, пока на нас не рухнул *ребенок*, спровоцировавший невольно то, что называют окончательным охлаждением. Моя благоверная со странным рвением окунулась в так называемый воспитпроцесс, как-то нехорошо расползлась, опустилась до «конского хвоста» с грязно-желтой махровой резинкой у затылка и, как мне показалось, окончательно **заснула**. Хуже того, она ударилась в православие и даже пыталась – разумеется, безуспешно – наставить «на путь истинный» и меня в то самое время, когда я довольно успешно наставлял ей рога... Почему я думаю *об этом*, глядя на С.?.. **Как** я могу думать *об этом*, глядя на С.? На С., перелетевшую из прошлого века – в этот?.. Свалившуюся с обратной стороны Луны в черную эту дыру, где, за неимением «жареных» тем, только и говорили, что о свадьбе ее **родственника** – моего друга, чью новоиспеченную ж., кассиршу **продама**, мы на спор (!), от скуки, **подцепил** и в центром, как называли его аборигены, बारे прошлой зимой?.. Она согласилась выйти *за городского* довольно быстро: полуграмотные кресты³ с той или иной стадией алкоголизма не прельщали, а других кандидатов на и/о мужчины в пэгэтэ не осталось.

³ Крестьяне.

Я не разбираю лиц. Голосов. Не замечаю колющихся. Я наблюдаю за тем, *как* С. наливает в бокал вино. *Как* струится оно по мраморным ее пальцам. Стекает на стол. Капает на пол. *Как* на белой скатерти появляется мясистый паук. *Как* жиреет. *Как* их, пауков, становится все больше. Больше. *Как* расползаются они в разные стороны. *Как* оплетают склизкой паутиной гостей, не замечающих крови, сочащейся сквозь жадные, вечно жующие, рты. Пожирающие, всегда пожирающие. Пожирающие тех, кого следовало б любить. Они называют их сельскохозяйственными животными: *твари дрожащие* с претензией на *право* – вот эта рыжая, знаю, **вкалывает** в костедробильном цехе, вон тот усатый специализируется на забое (почему, кстати, забое, а не убое? в чем разница?..) **молодняка**... «Горька-а-а-а!» – истошный крик тамады вынуждает меня закрыть глаза: тогда-то и вижу червивое месиво. Вместо лиц. Вместо лиц. Вместо их лиц.

Что ценно: паукам в голове нет дела ни до свадебного конвейера (тщетные попытки оправдания техпроцессов спаривания и репродукции), ни до жалеющих себя «плакальчиков», столетия напролет горюющих об истертых шкурках бессмертных – пока же ни живых ни мертвых, беспробудно спящих – душ... О, пауки при деле, всегда при деле, потому-то и затягивается занебесное лассо, потому-то в истории этой так много того, что называется *жидкой соединительной тканью, циркулирующей в кровеносной системе тела животного*... мы тоже, тоже приматы... Странное, действительно странное дежавю: С., будто на ретро-показе, боится смотреть в мою сторону... совсем как в предыдущей серии... Черт, черт!.. Но что значит *смотреть в мою сторону*? Где она? Не в том ли лесу, где ты, глупых, каталась голышом в зарослях орляка и была совершенно счастлива, то есть молчала о своем счастье?.. Это потом, когда тебя отчислят-таки за непосещение (о, *твои университеты*: практической курс любви на покрытых полиэстером и велюром матах, освоенный блестяще, – **зачет**, малыш!), ты окажешься на кафедре фотомастерства и станешь сыпать такими словами как «драматургия», «свет», «композиция», «обработка», «монтаж», «эмульсия», «печатные технологии»... Это потом начнешь рассуждать о работах Анри Картье-Брессона или Эдварда Уэстона, экспериментировать с фильтрами и растолковывать мне, деревенщине, что фотоаппарат – часть твоего тела, лучшая, уникальная часть: с одной стороны, такая же как грудь или щиколотки – и вместе с тем иная, особенная... Этой-то самой **частью тела** ты и «протоколировала» колющихся, лишь изредка наводя объектив на скромную мою персону. Именно эта **часть тела** и дарила тебя силами живительного забвения: «Искусство переплавляет любую, абсолютно любую боль. Даже вызванную ежикопотрошением...» – странная фраза повисла в свадебном безвоздушьи: я не знал, как реагировать. Усмехнувшись, ты принялась фотографировать захмелевших и откровенно пьяных гостей: все они, признаться, казались мне персонажами «Дома умалишенных» да «Похорон сардинки» – себе же напоминал я засыпанного песком пса⁴, которому уже не выбраться: когда-то ты подарила мне альбом с репродукциями Гойи – я оценил его работы не сразу, как не сразу осознал и то, что ты никогда, никогда не снизойдешь до того, чтобы намекнуть мне на главное, на самое важное... тебе легче было снять с собственной головы скальп, нежели признаться в том, что ты, *как и все эти курицы*, кое о чем мечтаешь. Как мог, как мог я отпустить девчонку, чеканящую, будто по учебнику: «...цистит дефлорационный, цистит медового месяца, цистит посткоитусный, цистит беременной, цистит родившей, цистит постклимактерический, цистит инволюционный», а?... Кретин. Кретин.

«Бежим!» – не помню, кто не выдержал первым, да и какая разница? Все наносное, фальшивое наконец-то исчезло; исчезли и свадебные декорации. Перед глазами поплыли

⁴ Ф. Гойя, «Пес» – одна из картин т. н. черного периода.

цветные круги: сквозь марево красок я с трудом различил точку, куда были устремлены наши взгляды. Я оцепенел, а через какое-то время с удивлением заметил, что над головой твоей закручивается тончайшая серебристая спираль, похожая на поднявшуюся в воздух фату. Слова стали не нужны, просто не нужны: вместе со страхом отверженности, самым страшным на свете страхом, ушло отчуждение – мы вжались друг в друга спинами, мы пролежали так всю ночь, всю брачную ночь – молча, бездвижно... «Это наша, наша свадьба... какая уж есть, глупыха... если ты, конечно, согласна... если ты, конечно... если ты...» – «...если ты, конечно, согласна!..» – злобно передразнила моя благоверная, с нехарактерной для нее яростью хлеставшая меня по грязным – классика жанра: *morda v salate*, хвастаться нечем – щекам, тщетно пытаюсь привести в чувство: кафе закрывалось в полночь.

[ЛИТВИНОВ]

*«Как нравится тебе юноша, Сократ?
Разве лицо его не прекрасно?» –
«Прекрасно», – отвечал я.
«А захоти он снять с себя одежды,
ты и не заметил бы его лица –
настолько весь его облик совершенен».*

Платон, «Хармид»

Ок, ок.

Давайте, наконец, допустим.

Допустим в своем узком кругу, что такие вещи иногда случаются⁵.

Классика жанра! Литвинову, впрочем, было не до смеха.

Последнее время он ходил сам не свой – да и что такое «сам», «свой»? Знать бы...

А он – нет.

Он-то, оказывается, как раз не знал.

Ни-че-го не знал о себе.

Но – по порядку: с такими вещами ведь не шутят.

Долгая память – хуже, чем сифилис, – надо же, как некстати вспомнилось! – Особенно в узком кругу⁶...

Литвинов вышел из клиники и, слегка сутулясь, зашагал по Моховой, тщетно пытаясь спрятать лицо от колючего снега – увы, сегодня без машинки: какая машинка, когда даже щетки стеклоочистителей замерзли, а коврики покрылись льдом? *На стекла пальмы и опалы мороз колдующий навел⁷*, ну и так далее, everything's cool⁸, ес?.. Подойдя к перекрестку, Литвинов поежился, а, прочитав слоган на дверце заблудившейся в центре «спальной» маршрутки, даже поперхнулся: «Когда боль наступает на горло: Coldex Бронхо».

Что *раньше* знал он о боли?

Что?..

Кажется, Бог наконец-то вынул беруши и внял его, Литвинова, мольбам, но что теперь с того, коли выходит так, будто все эти годы он, Литвинов, жил каким-то отраженным светом, а настоящего (что, впрочем, есть «настоящее»? то-то и оно!) – не видел, не чувствовал?

А вот если взять, скажем, ту же античность, размышлял он, тайно мечтая о своего рода «исторической индульгенции». Те же Древние Афины – пример вполне себе хрестоматийный, а именно: объект желания рассматривается не сквозь призму пола, но в первую очередь как некая **позиция**: его, М или Ж, позиция агрессии или покорности... Сто-оп: опять же, он-то, Литвинов, не в Древних Афинах, а в Москве, в Ма-аск-ве живет, где кто-то make love, кто-

⁵ В. Вулф.

⁶ БГ

⁷ Набоков.

⁸ Всё отлично!

то – have sex, а кто-то просто делает то, что называется have intercourse⁹, и о существовании такого экзота как *сексуальная идентичность* по обыкновению не подозревает...

Ну да, ну да, сейчас (Здесь и Сейчас. Господи! За что!) он, Литвинов, переживает пресловутый острый кризис треклятой сей и-ден-тич-нос-ти – спасибо, погуглил; отдельное спасибо г-ну Кинси за утверждение, касающееся дискретных¹⁰ категорий, в природе практически не встречающихся – а он-то, Литвинов, прерван, разделен, раздроблен! (Он – **встречается?**). На «встречающихся» вдруг резко пересохло в горле и Литвинов подумал, что если **некоторые** М-особи имеют низкий уровень тестостерона и повышенный – эстрогенов, то у него тестостерон понижается только когда он видит В., а все остальное время пребывает в норме, что, по сути, если уж не патологично, то, по крайней мере, довольно странно... А если это, не смеющее (впрочем, скорее, *не спешащее*: так будет верней) себя назвать, чувство, и впрямь подобно, пардон, импритингу? Ты воспринимаешь некий образ, а потом банально его идеализируешь: стимул-реакция – вот, собственно, и весь «эталон»...

Ок, ок, но ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ?..

...гипнозприжиганиетерапиярадиациейкастрациялоботомия, ja-ja?..

А что: перерезать нервные волокна передней части мозгафф, и никакого тебе В., никогда – как, впрочем, и никого другого. Svoboda транслитом! Методы коррекции «недоразвитых» (нет-нет, никакого уничтожения – пациент, скорее, жив...) разнообразны: breeder¹¹ предлагает в том числе и репаративную терапию...

Он сам не заметил, как оказался на Петровке и проскользнул в арку, за которой находился тот самый, нагоогленный, шоп с неприметной вывеской; если бы Литвинова в тот момент спросили, что именно ему здесь нужно, едва ли он смог сформулировать хоть что-то сколько-нибудь внятное. Небезызвестная кантовская цитатка – та самая, насчет человека, который «по природе зол», – впрочем, не исключена, а раз так... раз так, Литвинов жаждал невольно опровержения этого самого **зла**, и не важно, что искать «противоядие», пусть, опять же, неосознанно, пришлось в девиантном, с точки зрения нормальных – назовем сей подвид так – людей, магазине, где киноклассика мирно соседствовала с латексом, что никого из посетителей, разумеется, не смущало; да их и было-то... Грубо сколоченный парень, внимательно изучающий ретро-подборку дисков, стильная короткошерстная девица, листающая журнал, непонятного пола субъект, приценивающийся к длинному радужному шарфу – вот, собственно, и вся публика-дура, не считая продавцов – скорее М, нежели Ж (Литвинов сразу не разобрал).

Пробежавшись по названиям, он взял в руки первую попавшуюся энциклопедию, со страниц которой *все они* – Зевс и Ганимед, Будда и Ананда, Давид и Ионафан, – казалось, уверяли его в том, будто в чувстве к В. нет никакого подвоха: *die liebe ist mein fuhrer*¹², ок, ок, а уж если верить, опять же, г-ну Кинзи, сорок восемь процентов М-особей хотя бы однажды имели [бес]подобный контакт, причем тридцать семь – с оргазмом; Ж-особи вели себя более вяло – всего двадцать восемь процентов; впрочем, самки не интересовали Литвинова с того самого момента, когда он принял решение развестись, а экс-0.5 стал полушутя-полусерьезно называть «мать моей дочери», и иже с ней и серийной ее – раз-развод, два-развод – моногамией.

⁹ Вступать в связь.

¹⁰ Discretus (лат.) – разделённый, прерывистый.

¹¹ «Племенной скот» (зд., в *груб. знач.*: гетеросексуалы).

¹² Любовь – мой хозяин (нем.).

Положив на кассу томик Френсиса Мондимиора, стихи Руми да три диска – «Закон желаний» Альмодовара, «Орландо» Салли Портер и «Караваджо» Джармена, – Литвинов быстро расплатился и поспешил домой: да, он придет в квартиру, отключит телефоны и будет думать. Думать, думать, черт дери: а что остается?.. Драма-с расколотого субъекта!

To think [θ#ŋk] – неопределенная форма глагола.

«We didn't think we'd have any trouble! You've got another think coming». ¹³

Когда все началось? Сомнения – поставим здесь воображаемые скобки – в полоролевой адекватности, и тут же: «Хочешь поговорить об этом?»

Нет-нет...

Не-е-е-ет!!

Да нет же, ей-богу, не здесь и не сейчас.

Не надо, прошу вас.

Не надо выносить мой мозг!..

Да оставьте же, наконец, меня в покое!..

Вы.

Вы все.

И вы тоже...

Во-он!!

Он был самым обычным *долюбленным* ребенком: нормальным, едва ли не «таким как все». Типичным. Не числилось за Литвиновым и странностей – к женской одежде слабостей не питал, с девчонками не водился, дрался отменно, в отличие от В. (ему, бедняге, не повезло ни с мамашей – синечулочной невротичкой, ни с отцом – аутичным садистом, единственной формой диалога с которым мог быть ремень). «А вот если б мы жили во времена папы Григория Третьего, – сказал однажды В., – нам бы установили ЗА ЭТО годичное покаяние, а тетки обошлись бы всего ста шестьюдесятью днями... Дискриминация: ты не находишь?..». Литвинов застопорился с ответом – единственное, в чем он был тогда абсолютно уверен, так это в том, что некоторые их с В. телесные эманации волшебным образом синхронизированы – частота сердцебиений и температура тела, во всяком случае, точно; про пиковый уровень тестостерона не будем – во всяком случае, не на этих страницах. *А может, это любовь*, подумал впервые Литвинов, и сжал виски так, что костяшки его пальцев побелели.

В Иране, читал он купленную в нагоогленном магазине книжицу, ежегодно казнят за это двести человек. Смертная казнь практикуется также в Афганистане, Саудовской Аравии, Судане, Маврикии, Мавритании и Йемене; Пакистан и Гайана обходятся тюрьмой. Что происходило в Империи, Литвинов тоже знал, и не понаслышке, как знал и то, что становится самим собой – по-настоящему собой – лишь рядом с В., которого так же, как и Литвинова, нисколько не занимали принятые в community – чего-чего? – ролевые игры а-ля *passiv/activ*. Он просто хотел чувствовать, разговаривать, быть с ним, а уж каким способом проделывалось бы это самое **быть**, докладывать никому не собирался. В конце концов, дело вовсе не в количестве и, если угодно, «стандартизации» (на все-то бы – да ярлычок!) коитусов – кстати, *в чем повинен перед людьми половой акт?* ¹⁴ – все дело, на самом-то деле, в кактусах, да-да, так бывает: хоть плачь, хоть смейся после **лопата**.

¹³ Мы и не предполагали, что у нас возникнут какие-либо проблемы! Тебе придется еще раз подумать.

¹⁴ Монтень.

Литвинов хорошо помнил день, когда В., явившийся на повторный прием (осталось поставить пломбу на верхней шестерке – нормальный такой средний кариес, *стандартный*, будь он неладен), вошел в кабинет с внушительных размеров цветущим кактусом, чем вызвал легкий шок некрасивой молодящейся медсестры и его, док'а, сдержанное удивление: он, Литвинов, был док'ом В., подумать только! Док'ом, женить на себе которого стремилась едва ли не каждая третья пациентка... Сто-оп, а дальше так – потому что **так** тоже бывает, и не только в кино не для всех: «Знаете, когда впервые появилось слово “интимность”? – спросил В. Литвинова, устраиваясь в кресле. – Во Франции, в семнадцатом веке: на днях буквально узнал... Странно! Получается, *до этого* интимности не было... А вот ведь вы, док, наверняка знаете в ней толк... – Литвинов неожиданно громко сглотнул. – Лечение зубов – дело куда более интимное, чем даже поцелуй. Интимнейшее, я бы сказал. Полное оголение, сделка с тайной, если угодно. Сделка – потому как за деньги; ну а своеобразное проникновение врача в больного – проникновение по обыкновению в незнакомца – пародия на “индустрию порока”... Оральный секс с использованием посторонних предметов. И ведь чего только у вас нет! – В. небрежно указал на инструменты Литвинова. – В некотором смысле стоматологическую кухню можно причислить к такой разновидности перверзий как БДСМ-light¹⁵: врач хотя бы иногда получает удовольствие от своей, причиняющей неизбежную боль, работы (ок, ок: знает о страхе больного даже под анестезией), ну а пациент... Бог с ним, с пациентом. А вот вы, интересно... Ведь вы же получаете удовольствие от собственных действий, док?.. Ну, признайтесь – не стали бы вы иначе всю жизнь ковыряться в чьих-то гнилых зубах? Что-то ведь заставляет вас *делать это* тридцать часов в неделю на протяжении, как минимум, двадцати лет? Что именно, док? Простите за дурацкую шутку, смахивающую на допрос... Это все от страха. Но дам-стоматологов боюсь куда больше...» – В. как-то вымученно улыбнулся, а Литвинов закашлял: «Почему?» – «Они не умеют... точнее, умеют плохо... В них нет главного... самого главного! Да и как верить женщинам? Лживые, в большинстве своем циничные создания, стремящиеся обменять вагину на то, что называется социальной защищенностью... Своего рода путаны... Не все, конечно, не все, – но подавляющее большинство – увы... Я знаю, о чем говорю...» – обернувшись на медсестру, В. замолчал, а та, не сумев перевести, пошленько, с жирком, фыркнула.

Зуб, зуб – «У меня в сердце зуб болит. О, люди без зуба в душе!»¹⁶ – сейчас он, Литвинов, должен поставить пломбу: стандартную светоотверждаемую пломбу, да, и дрожь в руках неуместна, более чем неуместна – пожалуй, следует подождать. Остыть немного. Да-да, техника безопасности – особенно в таком тонком деле – еще никому не вредила! И тут же, вихрем: сказать *ему*, что лечение начнется через несколько минут? Что он, Литвинов, должен еще кое-что сделать, прежде чем перейти к операции?.. (Спокойствие, ха, только спокойствие, **малыш!**..). Сделать, разумеется, *для него*. А для кого же? Ведь *он* – пациент, а врач обязан делать все, абсолютно все для облегчения его страданий... Ужели слово найдено? **Обязан**. Палочка-выручалочка, соломинка-былинка, не дай сорваться – однако и каша сегодня у него в голове!.. Неужто вот так, среди бела дня, и впрямь **сносит башню?**.. Справившись кое-как с дрожью, Литвинов подошел к В., чтобы исполнить привычное – и вместе с тем уникальное, сродни ювелирному – *solo*: *откройте рот, не бойтесь, укол безболезненный, та-ак, хорошо, посидите несколько минут, та-ак, рот можете закрыть, ну как, немеет? хорошо, etc.* Да где ж этот раббердам, почему не на месте? Марина, куда все исчезает?.. Тонкий лист латексной резины, надевающийся на зуб, очень-очень тонкий-тонкий лист-лист... Литвинов покачал головой, подвинул слюноотсос и вдруг увидел, что раб-

¹⁵ БДСМ – так называемый безопасный добровольный садомазохизм.

¹⁶ Л. Зиновьева-Аннибал, «Тридцать три уroda».

бердамы смотрят на него в упор, как, впрочем, и медсестра – едва не чертыхнувшись, он ловко надел один из них на зуб В., поставил кламмер¹⁷ и... – вот оно, сухое *рабочее поле*! О чем, любопытно, размышляет пациент, в то время как пальцы доктора словно бы случайно касаются его губ, а то и щеки? Любопытный пациент... демон, о котором он, Литвинов, думает едва ли не ежедневно – да что там «едва ли не ежедневно»! Ежеминутно, – и потому берется за антисептик, накладывает прокладку, протравливает подготовленную полость, вымывает фиолетовый гель и подсушивает воздухом зуб В. исключительно машинально, как, собственно, делает на автомате и тот же бондинг¹⁸... «Ничего не чувствуете? Не колет нигде?» – спрашивает Литвинов, и В., как и все **они**, мотает вместо ответа головой; в глазах, правда, прочитывается обратное – то, что у В. *колет*, сомнений не вызывает, впрочем... прочь, мысли, прочь, приказывает себе Литвинов, слой за слоем – раз-и, – почти нежно, заполняя полость «Спектрумом»¹⁹: слой за слоем, слой за слоем – раз-и, да-да, вот так, не бойся, дружище, ничего больше не бойся, даже дам-стоматологинь... раз-и, вот так, да, да, молодчина, ну, еще чуть-чуть, еще шире, да не дергайся, не дергайся, кому говорю... а тебе, кажется, нравится... неужто ошибаюсь? Неужто это *мне* кажется? Какой ты смешной!..

Идеально выверенные движения – точные, красивые – в пору сравнить с пластикой музыканта, о чем доктор наш, конечно же, не подозревал. Направив на композит луч светотверждающей лампы, Литвинов отодвинул алмазный бор, взял копировальную бумагу и попросил В. сомкнуть зубы: на пломбе осталось черное пятнышко – эту-то самую точку Литвинов и принялся отшлифовывать, да так увлекся, что чудом остановился. Тпр-ру, окстись: полировальная резинка, паста, защитный лак, лампа-а-а – вот, собственно, и вся премудрость.

В. был, как на грех, исключительно хорош собой – микс Аполлона и Диониса: именно сочетание несочетаемого, быть может, и сломило Литвинова окончательно. Приняв приглашение все еще пациента – «Придете на мой спектакль?» (В. играл в *** у знаменитого ***), – Литвинов уже без удивления – и в который раз – отметил, что в солнечном сплетении ёкнуло.

«Культовая» пьеса оказалась цепляющей, хотя и несколько затянутой, но, в общем и целом... Что ж, недурственно, и даже весьма. Пациент – он по привычке все еще называл В. так – явно не бесталанный. И, к счастью (хотя, почему «к счастью»? ему-то какое дело?) не бедный: чинить зубы в их клинике – удовольствие недешевое. Как жаль, что с пломбами покончено, схватился вдруг за голову Литвинов, тут же отметив предательское свое «жаль» и поймав себя на мысли, что он фиксируется на В. чаще допустимого (впрочем, кем?); поэтому, когда В. пришел на бесполезную, в общем-то – Литвинов настоял, – консультацию, быстро-быстро, пока медсестра мыла руки, написал на визитке клиники свой телефон и молча протянул ту В.: вот, собственно, и вся экспозиция – она же завязка – love-story: кому как не/нравится, господа, ну а мы продолжим.

Их встречи носили поначалу, как сказал бы какой-нибудь заштатный психолог, эпизодический характер. В. приглашал Литвинова на спектакли, Литвинов, хотя и не был театралом, всегда соглашался. «Вы всех врачей в публику обращаете?» – «Избранных, – улыбался зрочками В. – Тех, кто умеет хранить тайны...» – «Тайны? – прищурился Литвинов. – Конечно, жизни и смерти?» – «Интимные, док, интимные!» – в общем, вся эта банальная игра казалось занятой до тех лишь пор, пока Литвинов кое в чем себе не признался, а, признавшись окончательно, схватился за голову и чуть было – от незнакомого доселе ужаса,

¹⁷ Металлический зажим для фиксации раббердама на зубе.

¹⁸ Бонд наносится на стенки подготовленной полости, создавая клейкий слой.

¹⁹ Пломбировочный материал.

вызванного собственными мыслями, – не запил, но таки удержался, как удержался, впрочем, и от многочисленных словесных клише, с помощью которых можно было хоть как-то обозначить все то, что происходило в душе.

«Грех городов и равнин», «обратная сексуальность» – вот что занимало его денно и нощно. Да, разумеется, он знал кое-что об этом – *кое-что*, не более того, но теперь... теперь Литвинов должен был увериться в своей так называемой нормальности, утвердиться в адекватности, вменяемости, если угодно. Почему «он» – не «она»? Какого дьявола?.. Нет-нет, речь в его случае, конечно, не шла о такой радикальной смене имиджа, как транзишн – Литвинов всего лишь сетовал на то, что так называемой прекрасной половине странного сего шарика «любовь, не смеющая себя назвать» сходит с рук куда как чаще и легче, нежели половине, которую все еще – надо же, странные какие! – называют «доминантной», а феминистки – вот она, *vagina dentata*²⁰! – обвиняют в навязывании «фаллоцентричных канонов»! Ничего себе, фаллоцентризм: знай – прячься... Но, размышлял Литвинов, если ЭТО существует в природе, не может же ОНО быть просто «сбоем программы»? Сбоем программы в столь огромных масштабах? Ведь если Он создал человека по образу Своему и подобию, значит *и этот образ* есть Образ Божественный, который никак нельзя – далее новояз персонажа – отпрокрустить ни словечком «болезнь», ни даже какой-нибудь «безвредной индивидуальной аберрацией»! Ведь если Творец есть Любовь, значит любовь – в каждом Его творении, а значит – в каждом земном чувстве, лучшем чувстве, а значит... Господи... За что... Здесь и Сейчас... За что прямо Здесь и Сейчас, Господи?.. Ну да, ну да, иудаизм и христианство, что называется, отличились; **мерзость** – вот как припечатал бы Ветхий завет его чувство к В.; но, может, на то он и *ветхий*? А как же греко-римская цивилизация тогда? Нет-нет, Литвинов не говорит о скотстве – он имеет в виду другое, совсем, совсем другое... Опять же: универсальная бисексуальность (начиная с эмбриона), если взять за точку отсчета не самый плохой, кстати сказать, античный канон... «Священный отряд» в Фивах... Ура-ния... и кстати, вот еще что...

Литвинов сам не заметил, как заснул: слетевшие со страниц энциклопедий и web-страниц «девиантные» приматы, рыбы и птицы, млекопитающие и рептилии, амфибии и насекомые смеялись над ним, а уж о людях-то и говорить нечего: «У твоего “диагноза” нет анатомо-физиологических признаков! – шептала на ухо одна из *Labridae dimidiatus*²¹. – Вот мы, рыбы, живем в гареме, нам хорошо... Как только самец умрет, я поменяю пол и займу его место. Это нормально, нормально, ты хоть понимаешь, что это нормально?» – «Они хуже свиней и собак», – разъяренно замахал руками президент Зимбабве Роберт Мугабе. – «Ты что-то имеешь против собак?» – зарычали на него лайки. – «И против свиней?» – захрюкали свиньи. – «Давайте допустим в своем узком кругу, что такие вещи иногда случаются», – повторила сдержанно-отстраненно Вирджиния Вульф. – «Я думаю, что важно делать фильмы о любви, и, конечно же, для меня важно делать фильмы о любви между мужчинами. Я на самом деле снимаю не как режиссер», – пожал плечами Дерек Джармен. – «В утробе матери все мы вначале девочки – мужской ген активизируется позже, а если *не*, рождается она, а не он», – развела руками Атма. – «Нормальный секс – это любое взаимное наслаждение, получаемое двумя свободными и информированными партнерами, которое доставляется телом, обычными облачениями и украшениями партнера», – вычитал в своей собственной книге Эрик Берн и развел руками. – «Прежде рука моя всегда лежала на Коране, но теперь она держит флягу любви. Страстное стремление к Возлюбленному заслоняло для меня науки и декламацию Корана, и я опять стал одержим и невменяем», –

²⁰ «Зубастое лоно».

²¹ Тропическая тихоокеанская рыба.

покачал головой Джалал Руми. – «Летом примерно десятую часть времени я с удовольствием посвящаю тому, чего ты так хочешь и чего так боишься», – выпустил фонтан кит-убийца. – «Двадцать седьмой съезд КПСС требует от людей укрепления моральных устоев семьи и брака, заботы прежде всего о нравственном воспитании молодежи», – напомнила Винни-Пуху и всем-всем-всем Ангелина Вовк. – «Где-нибудь ты найдешь Сеть и, войдя в нее, войдешь и в меня», – В. помахал рукой Литвинову, и он, очнувшись, вдруг понял, что впервые за сорок с лишним лет – вот только что, как на духу!.. – проснулся совершенно счастливым; если, конечно, допустить, будто счастье его было так возможно и так близко.

[капроновая стрекоза]

Вообрази: я на кушетке лежу, как водится, обнажена, с гусиной, знаешь ли (капрон-то снят!); ты – рядом, на стуле, стул у моего изголовья – какое странное, однако, словечко: **изголовье**... Я не вижу, разумеется, лица твоего, нет-нет, таковы правила игры: я говорю – ты слушаешь...

Какое, интересно, оружие подойдет?.. Тоже мне, снайпер! Засада твоя слишком тесна, а воображаемый особо точный огонь *по отдельной важной цели* вести ты так и не научилась... из пушки по воробьям: да есть ли скучней история?.. Так примерно рассуждала Кира, и лишь позже, много позже – иначе, но о том – не в экспозиции же; а потому она попыталась – бессознательно, сама удивившись своей реакции – кончиками пальцев схватиться за «хлястик» Аэс (она всегда обращалась к А. С. *по инициалам*, не по имени), хотя это был и не хлястик вовсе, а то, во что продевают обыкновенно пояс... Кира никак не могла обозначить предмет, ставший невольно выражением жгучего ее, пусть и остаточного, желания: едва ли не театрально – хотя, не существовало, казалось ей, во всем мире естественней жеста – взмахнув руками, она попыталась ухватиться за *** (ок, пусть петлю) не столь ради «коснуться», сколь ради «приблизиться», пусть даже на миллиметр, благо энное количество миллилитров уже сидело в *gaster*²², заставляя пускаться кровь в пляс – пир во время чумы, всё уже было, *detka*, полжизни на асфальте: ну-ну, и тебя вылечат.

Полжизни, что такое полжизни, пожимает плечами Аэс, вручая Кире хрустящий, немного мятый, мешочек формата чуть больше А5 – именно в такие и кидают обычно чулочно-носочные изделия на сэйле: она различает сначала цвета (белый, ядовито-малиновый), и только потом замечает не отслеженную Аэс надпись. *Капроновая стрекоза*: все тем же белым – все по тому же ядовито-малиновому, *sra-si-bo*... Кира отводит глаза от **ближнего**, который («Ближний, Ближний, я – твой Дальний, как слышимость? Прием!») так и не научился делать подарки (не обязательно те, до которых можно дотронуться), ну или, на худой конец, хотя бы со вкусом их упаковывать (если речь все-таки идет о вещах). И если он, самый твой ближний, думает задним числом Кира, по высшим эзотерическим причинам не столь не может, сколь не желает тебя радовать, ей-ей, не стоит надеяться, будто ваш банальный электронный эпистолярный превратится когда-нибудь в переписку Королевы Анны²³ и Сары Джеггинс, ес?..

Что такое страх, думает все чаще Аэс, и сама же себе отвечает, удивляясь люмпеновскому wordочку: страх – это **подляна**. Подляна, сидящая в каждом человечке. Подляна, мешающая дышать. Пытка иллюзией – да что там! Ад земной... Что-то вроде лю и нелю, только без деления на ч/б. Без бинарной этой логики типа гут-антигут, позитифф-негатифф, etc. Боится ли она, Аэс, терять?.. Недавно Кира – как бы мимоходом, вскользь – поинтересовалась, «зачем я тебе», и Аэс пожала плечами – «не знаю, не заморачивалась» (кстати, не лгала); Кира, глупыха, та еще бесприданница: «Я любви искала – и не нашла»... Вот он, главный страх, и ее, Аэс, тоже – не найти: самый страшный на свете страх! – или найти не там, или не ту, или не того... Всегда не там, всегда – не тех!.. Про то, что **это** искать надо днем с фонарем в себе и др. и пр. восемь дыр, вестимо, известно, – да кроме бестелесной субстанции есть ведь еще телесная, требующая некоего (назовем сие так) техобслуживания,

²² Желудок (лат.).

²³ Последняя из династии Стюарт.

что, впрочем, поправимо – белок же когда-нибудь распадется, улыбается Аэс; распадещца, смеется Кира громче обычного, распадещца, la-la!.. Но если подойти к страху как к одному из *выпуклостей* экзистенциализма, как к одной из красных его нитей... рассмотреть вначале обычный, а потом безотчетный – ту самую метафизическую **тоску**, bla-bla, которая и делает невыносиинииии... баста, kiska, займись-ка делом – приглуши свет!..

Тысячная доля секунды: лишь в ней – вечность, вот Кира и хочет удержать за вожжи ускользящий миг – удержать, дотронувшись, едва коснувшись, этого дурацкого «хлястика», будь он неладен: затянуть – на чем – петлю? Поставить – на ком – крест? Ваши чувства радиоактивны, сообщает закадровый голос. «Думаю об эТОм, а ты – на море? с моря? – едешь? летишь? А теперь: не об эТОм думаю, а ты словно читаешь ТО самое, но будто **после**, после всего... ТО есть две разные Я, две разные ТЫ: догоняешь?..» – Кира мечтает попасть в Страну Логофагов²⁴ и, вкусив лотос, кое о чем забыть. Нет ли у кого лишнего билетика? На ближайший проходящий? А? Не найдется лишнего, нет? И у вас? И вы тоже – тоже не сдаете?..

В ее снах горячо, цитатка.

Ну и еще: *Это страна, в которой нет дезодорантов, страна, в которой все едут на работу в автобусе*²⁵ – Аэс не помнит, кто это сказал, сказал ли именно ей или просто в дух. «...и не надо ко мне так прижиматься – а как вы хотели? – а я никак не хотела, я хотела, чтоб автобус был пустой – а так бывает? – бывает, если вы пахнете другими духами – не понимаю – этот мир пуст...». Сны Аэс похожи на клипы, а вот сегодня все иначе: сегодня ей снилась Натали – долго, волшебнo, бесстыдно... Сколько прошло лет, а она все никак не может забыть жалящие, до костей прожигающие, слова: «Мне не нужен чужой киндер. Что я должна делать с твоим некрасивым заморышем?». Так и сказала: «с твоим некрасивым заморышем» – определение, в общем-то, походило скорее на правду, если б не та оговорочка, что **заморыш** был ее, Аэс, сыном, ради которого, собственно, и терпела она номинального своего М, утешаясь тем лишь, что husband исправно охотится на деньги и приносит раз в месяц сносную добычу: что ж, социальное ее шлюшничество (увы-увы, Аэс знает, о чем говорит) узаконено брачными узами, ну а ljubov' – Людь Бога Ведает – область фантастики, во всяком случае, для нее; во всяком случае, здесь и сейчас... «Без Тебя я – ничто, – вспомнила вдруг Аэс и заплакала от жалости к себе. – Без меня Ты – ничто»²⁶.

Оно живое? спрашивает Аэс. Да, отвечает Кира, щелкая мышкой: «Универсальная самообучающаяся экспертная система», в начало игры, ок. Оно хрюкает? Нет. У него есть грива? Нет. Колючая? Нет. Крякает? Нет. Это чувство? Нет. Это часть тела? Нет. У нее есть дедушка? Нет. Видит в темноте? А черт ее знает: фасетчатые глаза... *Жарче роз благоуханье, звонче голос стрекозы?* Тютчев! Хлопает в ладоши Аэс. Всё будет так, как будет, всё будет так, как ты захочешь, шепчет Кира, главное лишь знать, чего ты на самом деле хочешь: только тогда получится, только тогда, иначе – никак, иначе – крышка! И мне не стыдно, не стыдно, слышишь?... Я потеряла весь стыд: да и что такое **стыд**, как не ложный страх? И что такое ложный страх, если не можешь дышать, если между явью и сном проходишь? Туда-сюда, как тень... Думаю, как только я окажусь в точке твоей определенности, меня тут же не станет... точнее, сразу разорвет... от счастья и разорвет. – Я вишу над шариком, отворачивается Аэс к стенке, и это мне, мне кажется, будто скоро меня не станет, слышишь? Что

²⁴ От греч. «поедающие лотос»; сказочный народ в греч. мифологии, обитающий в Ливии.

²⁵ Андрей Левкин.

²⁶ Шелер о Боге.

разорвет от боли. Я ведь готова была... на все ради нее готова... Тогда, в прошлой жизни... Дом собиралась оставить... что говорить! Сына бросить могла... М не в счет... Где кроха, плакавшая над «Белым Бимом», мечется по постели Аэс, где я?.. – Передо мной, Кире приходится держать ее за руки, кроме нас здесь никого нет... И если она, эта самая кроха, решит изменить ситуацию... если поймет... вдруг... что **это** нужно и ей тоже... тогда она почувствует, как из точки G начинают расти крылья... И тогда я скажу ей: «Привет, Малыш!» – и Карлсон прилетит, он ведь обещал верну... – НЕТ, кричит Аэс, НЕТ, НИКОГДА, НЕ-ЕТ!

И Карлсон не возвращается.

Круглая дата – *уже и еще только* одновременно: Кира не знала, много это или мало, три плюс ноль – ей было, в сущности, все равно: она думала – столько **зим**, что **лет**, быть может, попросту не бывает, не может быть... «Сколько вам зим?» – не спрашивает прохожий, когда она, кутаясь в шарф, спешит из пунктика А в пунктик А: так замыкается кандалное rondo: низкая азбучная истинка январского понедельника – утро, снег, темень... и вот ее уже будят, безжалостно вторгаясь в сон: «В садик пора! В школу! В институт!» – на работку уже сама, сама-а: рань-то какая, топ-топ, да кто же ее только придумал, работку эту? Но вот завтра она, Кира, никуда не пойдет – завтра она обнулит великолепную свою тройку (семерка... так где же ваш туз, графиня?..); завтра к ней приедет Аэс... Аэс, Аэс... Зажмурившись, Кира попыталась представить, как это будет, но перед глазами замелькали ни с того ни с сего листья – оранжевые, желтые, красные, – которые, стремительно почернев, превратились в самые обыкновенные трупики, только и мечтающие, что о снежном саване: тут и сказке конец – Дама Пик, абзац, Enter.

Поднявшись на цыпочки, она переворачивала листки отрывного календаря: сколько еще до тридцать первого? Ну-ка, ну-ка... А если выбросить остатки густого супа за батарею, как АЭС – тогда еще Нюта – нередко делала, взрослые наверняка ничего не заметят: подъездные запахи что хочешь перебьют – до третьего этажа пахнет курицей, до пятого – оливье... «Мамочка, какая ты красивая! – Не трогай, прическу испортишь. Юра, да заберегите, наконец, от меня ребенка!». Шум, доносящийся с кухни, гонит воспоминания прочь: сын, с виноватым видом потирая коленку, дебиловато улыбается – это не делает его, впрочем, хоть сколько-нибудь симпатичней. Ну да, ну да, Натали, «твой некрасивый заморыш»: Урод – меткое и единственно возможное школьное прозвище... Вероятно, когда-нибудь Аэс и накопит на пластику: можно ведь под-кор-рек-ти-ро-вать и уши, и нос, и губы... а будет ли мальчик?.. Аэс не знает, Аэс курит одну за одной, одну за одной: нет-нет, сейчас не до праздников – да она просто не выдержит! Тем более что Кира захочет, выпив, «чего-то большего»: того, чего она, Аэс, – во всяком случае, сейчас, – не сможет ей дать. Нет-нет, она не станет приезжать к ней по расписанию: перебесится – простит ...от нелюбви до невеселья – когда-то ведь и ей, Аэс, было тридцать: Натали даже не вспомнила... – *под Новый год, под воскресенье* – неужто она отыгрывается на Кире? – *плывет красotka записная* – неужто она до такой степени цинична?.. – *своей тоски не объясняя*²⁷ – а может, просто чудовишна?..

...и вот, вся такая волшебная, плетусь темными переулками домой, тянет Кира в трубку, но Аэс перерезает ее голос, словно ленту, ножичком: ровное, глуховатое – странно, что фразы невидимы – «я не приеду» вонзается ядовитой стрелой аккурат в солнечное сплетение. В чем станцуешь на углях, Русалочка? Балетки подойдут? Или ботильоны? А может, сапоги на шнуровке – в горы-то? Котурны, отвечает Кира, отрывая хвост, ко-тур-ны. Именно на них-

²⁷ Бродский, «Рождественский романс».

то и пройдет она по канату, натянутому меж их – ее и Аэс – вершинами. Лапландцы трутся при встрече носами, говорит ни с того ни с сего Кира, хочу в Лапландию, веришь?.. Аэс не верит, к тому же, ее задевают гудки в трубке: пароксизмы ущемленного самолюбия крайне болезненны – Аэс вообще **задевают** высоковольтные чувства, попадающиеся иной раз в сети мобильных ее связей: она и впрямь не в силах их вынести. Она действительно больше не может. Не способна. Ни на что после Натали не способна! Ее тошнит. Она живет теперь от случайки к случайке, от М к Ж – и обратно, ну а глубоко запрятанное телесное ее онемение никого не волнует. Никого, кроме Киры, – однако Аэс не может любить ни Киру (две «фараонши» в одном пространстве – это, как говорят голландцы, *te*²⁸), ни мужа-поильца («постылый»), ни сына («урод, уро-од!»). Не может любить **другого**: не себя – живут, разумеется, и не с такими диагнозами! Ее-то клинический случай уж всяко не смертелен. Поэтому Аэс и устроит какая-нибудь **имитация**.

Имитация отношений.

Неземная любовь есть смерть, говорит Кира своему отражению. Лучевая болезнь. Представь – мои волосы изменились... И лицо, и губы, и пальцы – чужие! чуждые! да не протезы ли?.. – никогда не коснутся запретного плода... Ты будешь смеяться, но я, кажется, ощущаю себя чем-то вроде пуговицы, которую оторвали: Кира морщится и, прижимаясь лбом к стеклу, шепчет: именно теперь я отчетливо слышу хлопок одной ладони – коан, ха-а, коан: «Как звучит хлопок одной ладони?» – одной, не двух: так бывает – да только так, *milaja*, и бывает... ты понимаешь, что значат все эти слова? Ты хоть кого-нибудь, кроме себя, слышишь?..

Отражение повторяет за ней, слог за слогом, каждое слово. Оно, и только оно, не превращает фразы в мессиджи, лишь потому как знает: отправишь – и серебристая нить, соединяющая плоть с анимой, тут же порвется.

А что если вытанцевать?.. Вытанцевать внутренний свой ужас, выкричать?.. Увы: начало уикенда, М тут как тут: ну да, ну да, *брак – единственная война, во время которой вы спите с врагом*²⁹. Нельзя, впрочем, сказать, что Аэс чересчур этим огорчена – после разрыва с Натали она редко огорчается по-настоящему, как, впрочем, и радуется: эмоциональная стертость и делает ренуаровские ее глаза кукольными – Кира, во всяком случае, знает, за какую ниточку дернуть, чтобы приподнять, скажем, левую ее бровь. Или слегка разомкнуть губы... Но в тот день Кире совсем не хотелось дергать Аэс за ниточки: в тот день Кира думала, что если б ее вдруг не стало, Аэс сказала бы что-то вроде «ты даже умереть по-человечески не можешь», потому как она, Кира, конечно, умерла бы как-нибудь *не так*: скажем, в день своего рождения. Или под Новый год... Она, с точки зрения Аэс, многое делала неправильно – в первую очередь, не так мыслила, и потому все чаще жар невостребованного ее огня превращался в сухой лед горечи, разъедавшей безостановочно ноющую душу, которая упорно не соглашалась признать «чувство, движущее миром», фьючерской сделкой.

Вообрази: я на кушетке лежу, как водится, обнажена, с гусиной, знаешь ли (капрон-то снят!); ты – рядом, на стуле, стул у моего изголовья – какое странное, однако, словечко: **изголовье**... Я не вижу, разумеется, лица твоего, нет-нет, таковы правила игры: я говорю – ты слушаешь; я говорю – ты слушаешь?.. Боковым зрением Кира видит, как глаза Аэс стекленеют, превращаясь постепенно в фасетчатые, а нижняя губа, видоизменяясь, мутирует в

²⁸ Слишком.

²⁹ Ларошфуко.

ту самую, стремительно раскрывающуюся и выбрасывающуюся вперед, маску, когти которой из века в век пытаются схватить ее, Киру, за живое: если это произойдет, наяда³⁰ быстро подтянет жертву ко рту и быстро пережует.

³⁰ Личинка стрекозы.

[вспышка]

А вы что же, знаете разницу между сумасшедшими и нормальными?

Паустовский

Тик-так. Тик-так. Вспышка. Темнота. Вспышка. Темнота.

Тимоти Лири

Душеед Пал Палыч Рыков, он же анимаатр, он же – в свободное от больнички время – душепевт, он же анималитик – иначе говоря, специалист более чем широкий, – проснулся от вспышки сиреневого цвета, засветившей ему аккуратно меж бровей, – и засветившей, прямо скажем, крайне болезненно. Вместо привычного потягивания, вместо того чтобы осторожно, не потревожив Риту-1 и Риту-2 (собаку звали Рита и жену Рита), встать, как обычно, с кровати и пойти в ванную, он, приняв позу эмбриона, зажмурился, а когда – делать нечего! – открыл махонькие свои глазенки и привстал, чуть было не взвыл. Все – Рыков огляделся – будто такое же, и вместе с тем, вместе с тем... да что говорить! Впору только рукой махнуть, что мы – вот так – и сделаем.

Почуввав неладное, Рита-2 зарычала, а Рита-1, перевернувшись на другой бок, пасторальненько – чистый эф-дур – засопела. Отодвинув подушку, Пал Палыч грешным делом подумал, что вот, ежели, к примеру, хотя б понарошку поцеловать (да-да, представьте себе) благоверную, боль непонятого происхождения стихнет, а если уж и не растворится бесследно, то непременно уйдет хотя бы на время. Однако склонившись было над Ритой-1, душеед наш в ужасе отшатнулся: на оголившемся ее плечике примостилось *существо* неизвестной породы – нечто среднее между паучком и стрекозкой, с блестящими фасетчатыми глазами и длинными, загнутыми вверх, ресницами – ну точно носы туфель Хоттабыча! Чертыхнувшись, Пал Палыч перевел взгляд на собаку (Рите-2 повезло больше: никаких *существ* на ней не водилось), а потом снова на вторую 0.5 – ни-ко-то: «Едрррить!..».

Он потер глаза, поморгал, вновь глянул на благоверную и вновь отшатнулся: проснувшись, Рита-1 инстинктивно потянулась к нему, а вместе с нею и *существо*. «токтор, – так называла его Рита-1 с институтских времен. – токтор, ты в оффе?». Сославшись на тошноту, он побежал в ванную и быстро включил воду, а, посмотревшись в зеркало, заорал благим матом – *существа*, в самом прямом смысле сидевшие у него на шее, болтали длинными, словно ножки слоников «великого и ужасного», как называл наш душеед г-на Дали, лапками... Одно из них оказалось на редкость вертлявым – истеричная гиперактивность, промелькнуло у Пал Палыча, тут же, впрочем, цыкнувшего на самого себя за профболтовню; другое же, крепко вцепившееся в загривок (вот почему болит!), недовольно заерзало.

Чур меня, только и смог прошептать он, присев на краешек ванной. Чертовщина, ну чер-тов-щи-на же, едрррить... Или все-таки снится? Вопрос, впрочем, может стоять и так: в своем ли он уме – впрочем, что такое ум как не одна из поллюзий... Неужто анимашонки хоминидов и впрямь настолько токсичны? Долечил, ток, мои поздравленица-с!.. Вспомнив о *потенциально возможной воспитализации* (а воспитализация **всегда** потенциально возможна, услышал он Голос с антресолей, на которых пылилась многолетняя подборка «Анимарического журнала»), Рыков помрачнел еще больше – нет-нет, увольте! Пока можно скрывать существование, как окрестил он *существо*, **картинок**, никто ничего не узнает – в чем-чем, а уж в методах загона хоминидов к простому хоминидному счастью разбирался Пал

Палыч блестяще: хороший, грамотный душеатр в состоянии сделать из двуногого овощ недели за две (карррательная анимария преуспела в сем поболее других), а посему...

«Ты еще в оффе? Говорила – не жуй мозги вчерашние...» – стучалась Рита-1 в ванную, а Рита-2 скреблась и скулила. Проведя рукой по лицу, дабы натянуть ту самую маску, без которой он не появлялся перед благоверной зим эдак десять, Пал Палыч отворил дверь и, стараясь не смотреть на *существо*, присосавшееся к Рите-1, осторожно, словно она была из муранского стекла, а не из бетона, приобнял ее. «Так ты, значит, в оффе... Говорила ведь...» – Пал Палыч кивнул и, сделав жалкую попытку улыбнуться, снова едва не разрыдался. Если разрыв между внешней и внутренней войной достигнет критической запятой, думал Рыков, ну то есть если пуповина с тем, что принято называть февральностью, по каким-то причинам оборвется, а голоса и *существа* станут обычным делом, то болезнь цветущего возраста, пожалуй, и сыграет с ним злую шутку... С другой стороны, он, Рыков, не страдает моно-тизмом – во всяком случае, в ярко выраженной его бесформенности, а уж о чем – о чем, а о синдроме Дурминского-Дурамбо речь и подавно не велась: какой, едрррить, «анимари-ческий автоматизм»? Нет-нет... Не-ет! Рыков тряхнул лысиной и, сглотнув слюну, даже топнул ножкой. И так, нет, нет и еще раз нет. Никто не «вставляет» в его мозг чужие мысли, никто не заставляет их «звучать», делая доступными для других двуногих, а значит, чувство внутренней раскрытости – пресловутое «характерное проявление болезни» – ему незнакомо... Расстройств речи и инстинктивной сферы не наблюдается, эмоции – ну да, притуплены (а у кого не?..), впрочем, отсутствие стремлений едва ли можно назвать фабулией... Да что это он, в самом деле? Показалось – и показалось. Enter!

Выйдя на улицу – какой мягкий, нежный снег, подумал наш токтор, целую вечность, кажется, не обращавший внимания на подобные «глупости», – Пал Палыч повел носом и вдруг замер. Его сосед, эндокринный дедок с клюкой, выгуливавший эндокринного таксика (завидев Рыкова, тот всегда истошно лаял), с ног до головы был увешан какими-то шевелящимися предметами. Со спины не разобрать – да, чего там, не очень-то и хотелось, однако профлюбопытство одержало верх – приглядевшись, Пал Палыч даже присвистнул: черви. Ну и **картинки** ему показывают... По-ка-зы-ва-ют?... Ущипнув себя за руку – так больно, насколько это возможно, – он, будто самка гоминида, ахнул и кинулся в другую сторону.

Стараясь не смотреть по сторонам, он зашагал сначала по шумному бестолковому Виленинскому, затем свернул на столь же малопригодную для прогулок, нескладную Бэкиманку, а, дойдя до огламуренной дымчато-серой Потлянки, где Пал Палыча всегда охватывало чувство, называемое его пациентами хрустьюоц, постоял с минуту в нерешительности (будешь, пожалуй, решительным, коли тебе все-все про симптоматику, течение да формы с исходами известно!) и, перейдя через поребрик («Привет, vedmed! Твоя Литейная вьюность...», delete), направился к расписной храмине.

Сквозь лококольный звон, пронизавший Пал Палыча до самых кишок, явственно различался все тот же Голос: «Хлуховые поллюцинации, Рыков, как и вред бреследования, не что иное как особая форма отпада мыслительных аберрвращий: тебе ли знать?» – «Сквотче наш, иже еси – не донеси!...» – прошептал побелевшими губами Рыков и кинулся в Староцентный. Схватившись за головку, он повернул спешно налево, юркнул в переулок, вернулся назад, а потом еще долго курсировал – туда-сюда, туда-сюда – по Чижииковскому. Пришел в себя Пал Палыч лишь на Мордынке, у офиса «Стрём», на вывеске которого вальяжно растянулось полупрозрачное медузообразное *существо*: резко развернувшись, Рыков плюнул и, неловко перекрестившись, – чем вызвал удивление и рыбоглазой мамец с толстой уродливой, как она ее называла, **дочей**, и девиантных вьюнцов, – направился к Плятнищкой: центр войны! Его затерянной войны... Надо же, а ведь когда-то он был здесь счастлив, да,

счастлив, представьте себе... До свадьбы... «Крабля» – подняв глаза, прочитал Пал Палыч и, затравленно озираясь, вошел в синеворотничковую ресторацию.

Взяв – двумя пальцами, будто грязный носовой платок, – поднос, Рыков шлепнул его о «рельсы», по которым, как по конвейеру, двигался к кассе корм оголодавших застольей и гостей застольной – ах, лучше б их всех не было вовсе!.. Втянув голову в плечи, Пал Палыч прищурился, чтобы рассмотреть цену, а, потянувшись за супом, забылся и, бросив взгляд на стоящую рядом гоминидку – точная копия модильяневской «Маргариты», блеснул машинально интеллектом наш токтор, – вздрогнул. На плечах у темношерстной особи сидело ядовито-зеленое *существо* и без зазрения совести (да есть разве у *них* совесть, сморщился Рыков) строило ей самые невообразимые рожи; за талию другой гоминидки, похожей на молодую Саманту Фокс, держалась едва ли не дюжина *существ*, а вокруг высоченного гоминида, никого Рыкову не напомнившего, сгрудились *существа* совсем уж неприятные... Чтобы не сойти с мозга – так это, кажется, называлось у них в больничке, – Рыков ущипнул себя и с трудом удержался от всхлипа: о, это ведь так «не по-мужски»! С другой стороны, если Мужчина как вид исчез при Гарри Цорохе (Женщина как вид мутировала и того раньше), стесняться решительно нечего, а коли так... В двенадцать раз, вспомнил Рыков отчет НОС, увеличилось в Хоминляндии количество анимарических восполеваний; четверста пятьдесят миллионов хоминидов болтается в бесцельном томленье по шарик... шесть миллионов «официальных» больных – листочки: кусточки же таковы, что треть великой его ляндии, так скажем, **того**, а значит, пятьдесят миллионов хоминидов подлежит *потенциальной воспитализации*... Неужто и он – один из?.. Ну да, ну да, анимаатры не разграничивают процесс личностной трансформации и анимарические восполевания; вопрос лишь в том, что за **процесс** происходит с ним, Рыковым – на трансформацию явно не тянет... Или он чего-то не понимает?..

Осознавая, что если хоть одной живой тушке – уточним: тушке родственной – рассказать о случившемся, больнички не миновать, Пал Палыч совсем пригорюнился. Во-первых, не должна ничего знать, конечно же, благоверная – токторская по транскультуральному исследованию расщепленной анимы (она же «разорванная душевность»), которую защитила некогда Рита-1, – вернее, кожаная папка, в коей хранилась бесценная распечатка, грозно – \$schizophrenia: не дебютец ли, часом?.. – замаячила перед рыковским носом; пытаюсь увернуться от зловечка, он изменился в лице и, так и не найдя в себе сил дойти до кассы, кинулся прочь из ресторации.

А вот взять, к примеру, его **палатку**, судорожно соображал Пал Палыч, в которой каждый второй твердил, опять же, то о голосах, то о *существах*... Классика жанра, любой кончалый срыгнет – параноидная: стабильный бред (бред? Теперь Рыков ни в чем не был уверен), картинки в 3D-формате... Но речь-то с моторикой – о-го-го! Полный, так сказать, ажур! А то, что гон цимональный сдулся, так это, знаете ли, и к лучшему – да-да, к лучшему: именно он-то, **гон**, о его, Рыкова, нормальности, и говорит! Да что «говорит»: кричи-ит! Свидетельствует-эт!.. И все б ничего, ко всему – зачем только? Пал Палыч не знал – привыкаешь, но... как же теперь? **Теперь** как будет он терпеть-вертеть?.. Дышать-гнать?.. И прочая, прочая?... Рыков совсем приглаголился, тем более что **вспышка** – та самая, засветившая ему утром аккурат меж бровей, – не просто отравляла существование, то и дело напоминая о себе холодноватым сиреневым свечением, но еще и вызывала гаденькую дрожь в членах: ту самую, да-да... О, если б мог вернуть он вчерашний день, когда все было *так хорошо*!.. Если б мог избавиться от жалящего анимашонку страха!.. Он не хочет, не хочет, не хочет **этого**! Он не обязан! Он, из end'а в end, вовсе не сумасшедший хоминид! Впрочем, если *не*, то и видеть **этого** он не должен... Тронув кончик носа, Рыков покосился сначала на зажёвачную

«МакКоллапс», а потом поднял черепушку и едва не зарыдал: желтый дом обвивали похажие на лианы *существа* – они цеплялись за окна и карнизы, свешивались с балконов, висли на фантомах бельевых веревок... Не зная, что делать, Пал Палыч решил сделать хоть что-нибудь, а именно: купил сначала один шкалик коньяка, потом другой, третий, *и* – худосочные ангелы на Дурском разводят на херес крыльями, а тучный зоил, не первую югу путающий телегу с рецензией, нелепо машет биг-букнутыми ручонками, – *немедленно выпил*.

Здесь следует сделать небольшое отступление и сказать о том, что ни в Б., ни в Ч. Пал Палыч не верил: твердо стоя на позициях ортодоксальной анимарии, которую, приди сие название в шлемик иному райтеру – или, что хуже, волоокой райтерше, что вяжет нетленки крючком да спицами, а потом занимается их «раскруткой», – следовало б перелицевать скорей в клинический случай законопослушного душеедства, ибо лазерные, инсулиновые да электросудорожные способы кодирования хоминидов на простое хоминидное щастье, снискавшие в больничке, где трудился на благо Хоми проф. Рыков (табличка на двери кабинета), едва ли можно назвать хоть сколько-нибудь, *ex.me*, гуманными. Виной всему была, разумеется, Ее Величество Парадигма (уж сколько токторов с токторицами отдали ей честь – и не *сосчитать!*), в зубастом лоне которой никак не умещалась даже самая обыкновенная, с точки зрения анимарии феноменологической, диссоциация, а по-простому – раздвоение личности. Рыков, конечно, понимал, что, скажем, где-нибудь в далекой Хомининдии подобное «нарушение личностной индентичности» названо будет трансом, и полчища хомипологов накинута на него, посмей он поставить под сомнение факт *овладения духами* «и прочие медитации», как называл Пал Палыч все, что нельзя было измерить или взвесить, – тогда как в родной Хоминляндии, а также в «загнивающих» ляндиях, где переход особи из активного состояния в пассивное не только не приравнивает ее к отработанному материалу, но, наоборот, позволяет ей, особи, немного порадоваться, – все та же диссоциация будет названа *mental disorders*³¹... Вот Пал Палыч и нарушал, тем более что ортодоксальная анимария, на которую он хоть и не молился, но ставить под сомнение Главную Парадигму которой никогда не решался, критериев степени нормальности (взять, *ex.me*, количественные заценки выраженности воли или эмоций: а что?..), выработать так и не сумела, а значит, коли фрицу в кайф – хоминиду-то не жить: что один душеед «эмоционально-волевым снижением» посчитает, другой – *p-раз!* – и за «норму» выдаст, *и никому ничего за это не бу-у-у...*

Ну да, ну да, он, Рыков, все про «исчезающие» диагнозы-то знает – много чего из пострельного списка исключили: а попробуй-ка, старче, **объективируй**, ежели такой умный и небогатый, клиническую поллюцинацию! Не сгноишь ли кого, часом, покуда про дисбаланс мифический – химический? биологический? кто ж его разберет в палатке! – буквами своими снулыми в карте не настучишь?.. Пройдемте, впрочем, – пройдемте-ка – пройдемте-ка! – за персонажем.

Едва добравшись до квартиры, Пал Палыч, не сняв пальто и шляпы, кинулся на кухню. Приподняв крышку сковородки и увидев холодную курью ногу да, как называла Рита-1 крыло, **руку**, Рыков шмякнул их – шлѐп-с, шлѐп-с – на блюдо, бросил одежду на спинку стула и, присев, шумно сглотнул, после чего, собравшись было вгрызться в поднесенный к пасти кусок живой некогда плоти, у которой, равно как и у живой плоти Рыкова, имелись болевые рецепторы, неожиданно замер, да и – так, знай себе, настукивает по клавише грезящий о лаврах нововьюный писец – «упэрил зенки в тарэль». Курья нога, дернувшись, напряглась, затем приподнялась и, поскользнувшись на лужице масла, пошла-шла-шла по тарелке, после чего, ловко подтянув к себе крыло, **сложила** на удивление быстро, превратившись

³¹ Психические нарушения.

в розовато-оранжевую самку породы фавероль, а именно – в видавшую виды куру с пятью пальцами на лапах, кремовым хохолком и дурацкой бородкой, которую душеед наш, глянув на висевший у окна каирский вирус с изображением надменной фараонши, назвал, не имея на то особых причин (теперь, впрочем, его вера в то, будто причина возникает раньше следствия, была поколеблена), «церемониальной подвесной»... Перекрестившись, чего с ним обычно не случалось, Рыков перевел взгляд на тарелку и похолодел: куриная фараонша, закручиваясь по спирали в воронку (нагнувшись, Пал Палыч заглянул под стол, но никаких приспособлений – впрочем, для чего?... – не обнаружил), проваливалась в буквальном смысле сквозь пол, но словно бы не до конца: это-то и обескураживало... Когда голова, казалось, уже должна была исчезнуть, неведомая Рыкову сила выталкивала ее обратно, и все повторялось по новой с той лишь разницей, что заморская дичь раз от раза уменьшалась в размерах, превращаясь из перекормленной самки сначала в невинную цыпу-гриль (на миг Рыкову показались, будто глаза у твари этой – простим доктору грубость – занебеснутые: в точности как у Риты-1... но только на миг), а потом в яйцо, имеющее, как уверяют экстра- и прочие сенсы, форму ауры, в существование которой Пал Палыч с упорством хоминенка не верил, и иже с ним, потому как в то самое время, когда смиренный автор грызет сии строки, персонаж его совершает один из скачков в то самое Далёко, которое можно назвать просмотрой февральностью, или демо-версией. И что же – ну-ка, ну-ка, – он просматривает?

А просматривает он клетку из витой проволоки – ту самую клетку-батарею, где свет горит почти круглосуточно, а *существо*, расположившееся аккурат под лампами, уточняет, что «эти твари» несутся каждые тридцать два часа – каждые тридцать два часа четырнадцать месяцев кряду, после чего забиваются, и... «ЗАбиваются?» – выдыхает Рыков, впервые полубопытавшийся, почему ЗА-, а не У-, и замечает хоминида с раскаленным ножом, спешащего рtichku – во избежание внутривидового каннибализма, поясняет *существо*, – обес – что-что? – клювить; «Рита-а-а, ко мне...» – только и смог крикнуть Пал Палыч: подбежавшая Рита-2 лизнула его руку и, поджав уши, завывала.

Стоит ли говорить, что аппетит пропал напрочь? Мало того что секунду назад Рыков побывал в аду – все это цветочки: десятки – сотни? он не ведал! – **голов** заполнили дом, тут же впитавший в себя запахи крови и экскрементов – так и смердит, верно, смерть, догадался Рыков, на ум которому приходила меж тем всякая чушь – крестоматийное, скажем, «Хоминляндия есть игра природы, а не игра ума» или эстетское «Случай, который мог бы произойти, заканчивается фигой», что, впрочем, не избавляло Пал Палыча от, как называл он **картинки**, поллюцинаций. Шеренги кур и гусей, свиней и кроликов, овец и лошадей тянулись, казалось, до горизонта. Приглядевшись, Пал Палыч различил и быков, и молочных коров, и телят с ягнятами... Были тут и индейки, и перепелки, и поросята-сосуны, и поросята-отъемыши – всех разве перечислишь!.. Космический его секундомер застыл – не в силах справиться со страхом (главное, как не преминуло напомнить одно из следящих за нитью повествования *существ*, средство приручения хоминида), Рыков кинулся в халюнь, где его – и хотелось бы сказать «благополучно», но это, увы, не так: отмывать пришлось не только пол, но и стены, – вырвало. Вытерев губы и вмиг посеревшее лицо туалетной бумагой «Жасмин», пошатывающийся Рыков выбрался в коридор и застонал: обрывки фраз куздроглокой хрипторши – «корейка из тайца с кровью...», «маринованное сырое филе голубя...» – парализовали вконец, и в тот самый момент, когда Пал Палыч совсем скис, до него, наконец, дошло, что всю эту живность он, стало быть, и пожрал... Tastes differ³²!.. Услышав, как поворачивается в замочной скважине ключ, Рыков схватился за сердце: Рита-1... ох, не к тімени!.. Когда, впрочем, жена – к тімени? И эта ее Мигрень с ней, под ручку... скука, тоска:

³² О вкусах не спорят.

мыстамаройходимпарой, тьфу!.. Верста есть пятьсот саженой, или полторы тыщщи аршин, или три с полтиной тыщщи футов, или тыщща шестьдесят шесть и восемь десятых метра, зашептал быстро-быстро Рыков, силясь поставить черепушку на место; в одной морской миле тыщща восемьсот пятьдесят два и две десятых метра, один фунт равен... «Ты все еще в оффе?» – сухо поинтересовалась Рита-1; сделав усилие, он выдал улыбку, похожую на гримасу, развел руками и, что называется, насторожился. Да, все в его благоверной осталось будто б прежним – и вместе с тем что-то чужое, чуждое, агрессивное появилось в облике... Подойдя ближе, Рыков заметил маячивший над ее париком прозрачный bubble: в пузыре – вполне отчетливо, несмотря на причудливый шрифт, – различались буквы, складывающиеся в слоги, слоги – в слова, а слова – в предложения, смысл коих казался Рыкову поначалу более чем странным (взять, к примеру, одно лишь «только бы **этот** не понял»), и все же сомневаться в коих было по меньшей мере глупо: баббл за бабблом, баббл за бабблом – вот тебе и *да любите друг друга*, вот тебе и мигрень... «Куй-железо!» – маяк для жертв нестоячки (так безыскусно называли бабки, к которым упорно не ходил Рыков, скучный профессорский диагноз): «Хрен-новация, – мерцалка, увиденная в аптеке: – необходимая для дыррэкции твердость и хрузка на ваш многочлен!...».

О да, размышлял Рыков, закрывшись в кабинете, адюльтер, в сущности, не самая скверная штука: хоминид по природе слаб и эгоистичен – но что с того? Главное не подать виду, ни коим образом не выдать страх... А может, уйти в работу? Теперь-то ему наверняка будет проще понять пациентов – во всяком случае, некоторых... Откинувшись на спинку стула, Пал Палыч подвинул двумя пальцами крохотное *существо*, примостившееся на полуоткрытом ящике письменного стола (он – а что делать! – почти уже привык к ним), достал ежедневник и, погружившись в чтение, раскраснелся от злости: мало того что его записи изменились до неузнаваемости – дробный анамнез с описанием анимарического скватуса и состояния как ветром сдуло! Судите, впрочем, сами:

«*Больной П.*, 31 год, архитектор. Замкнут, напряжен, чаще всего рассеян; принимает химию для мышц. Страдает фитнес- и интернет-зависимостью, панически боится “конца света”. Питается пять раз в день преимущественно гречкой с мясом. Ревнует жену – скорее всего, безосновательно. В обеденный перерыв сбегает из архбюро в “Текстоед” и читает с середины книги в среднем минут тридцать. Коллег ненавидит, считая их “бездарными быдлом”. Мечтает о любовнице, которая сделала бы ему массаж ступней. Уверен, что в Гоминляндии таких нет – подумывает о сексуальном туризме. Глубоко несчастным чувствует себя чаще всего в воскресенье вечером, когда гуляет с догом по кличке Муся».

«*Больная Л.*, 34 года, ресторатор. Не различает сон и явь: часто увиденные во сне события расценивает как реальные. Чтобы не попасть впросак, записывает все, что произошло за день, в специальную тетрадь. Боится, что ту найдут “чужие”: хранит ее под матрасом. Увлекается фотографией. Прикуривает от спички. Обожает фильмы с Ричардом Гиром, бальные танцы, велосипедные прогулки. Очень любит спать: лучшая фаза с восьми утра до полудня. Подчиненных называет “недоразвитым быдлом”, клиентов – “свиньями”. Искренне удивляется тому, “как люди вообще могут есть в ресторане”: сама питается в одиночестве, считая процесс принятия пищи столь же интимным, что и совокупление. Имеет любовника двадцати восьми лет и семилетнюю дочь. С бывшим мужем отношения дружеские; считает его, впрочем, неудачником и называет не иначе как **Хоботов**».

«*Больной С.*, 26 лет, дизайнер. Фобия – “испортить себе карму”. Чрезмерно увлекается эзотерикой. По субботам выпивает две бутылки крепкого пива; имеет дома люстры в виде шаров, которые его успокаивают. Любит котов, но все время говорит о своем, которого якобы отдаст, так как тот его “извел”. Сожалеет о своем участии в некоем маркетинговом исследовании, которое и довело его “до жизни такой”: уточняет, что сидел долгое время за стек-

лом, глядя на группы людей, “генерирующих идеи на предмет того, как должна выглядеть упаковка”. В задачу больного входило превращение высказываний респондентов в художественную метафору, а именно – моментальное изображение вариантов того, что только что было сказано. Упаковка должна была “символически отразить харизматичность и глубину рекламируемого вкуса, радость наслаждения” – после **отражения** неделю не мог прийти в себя “по причине тоски”. Женщин избегает, считая их “циничными созданиями”. Мечтает стать отшельником – “уйти в какую-нибудь пещеру”. С трудом представляет, как будет обходиться без горячей воды и кофе».

«*Больной Н.*, 40 лет, менеджер по продажам, нос “капелькой”, антисемит. Страдает неврозом на бытовой почве и психосексуальным инфантилизмом. Соседей ненавидит, секса с женой не имеет. С дочерью отношения натянутые (“она меня ни во что не ставит”). Женщин называет “эти шимпанзе/макаки/гориллы”. Мечтает переспать с собственной директрисой (“если б вы только видели эту горячую штучку!”); понимает, что “не светит”. Обожает яичницу с помидорами, перцовку, свежий воздух (открытые форточки – одна из причин конфликтов с женой, панически боящейся сквозняков). Разводит кактусы и суккуленты: когда никто не видит, разговаривает с ними и плачет, понимая, что мечты о нюрсери, как и о памперсах, сосках и пинетках, останутся мечтами».

«*Больная И.*, 40 лет, переводчик. Имеет собственный дом, машину, собаку, girlfriend. К месту и не к месту напоминает, что в 90-м году ее так называемый диагноз был исключен из Международной классификации болезней гоминидов. Говорит о нем как о “разновидности нетипичной анимагендерной ориентации, отличающейся от стандартных связей лишь направленностью влечения”. Любит рассуждать о гендерной идентичности. Мания – рассматривать в местах скопления самцов-гоминидов их лингамы, однако самих самцов побаивается. Планирует жить вечно: хочет заморозить свое тело, объясняя это тем, будто “кристаллы льда не разрушают, а лишь режут клетку пополам”. Поясняет, что клетку можно оживить – “то есть склеить” – в будущем. Рассказывает о нанотехнологиях, ультранизких температурах, жидком азоте и сетует на дороговизну крионики, что и вызывает снижение моционального гона. Искренне сокрушается из-за того, что крионирование головного мозга обойдется ей в девять тысяч, а тела – в двадцать пять тысяч у.е.».

«*Больной Ю.*, 50 лет, вдовец, живет с сыном, преподает начертательную геометрию. Панически боится конца света, постоянно возвращается к пророчествам майя. Настаивает на том, что “в декабре 2012-го Солнце, оказавшись в зоне Млечного Пути, извергнет на Землю громадный заряд плазмы, который парализует все, что работает от электричества”. Больше всего боится за трансформаторы, так как из строя выйдут все энергосистемы. Иногда страшится этого настолько сильно, что лежит целый день под одеялом, и “только чувство ответственности перед студентами” не дает ему умереть. Тяжелейшая депрессия отягощена информацией об изменах погибшей год назад жены».

«*Больная А.*, 33 года, копирайтер, разведена, полгода не имеет секса. Подробно рассказывает о специфике своей работы, зачитывает наизусть куски некоторых текстов. Особенно ненавидит брошюру о пылесосах фирмы Ssung: нервно смеется, вспоминая, как креативный директор вынудили ее “сравнить пылесос и homo в разделе “Эволюция пылесосов Ssung”: *Когда-то человек был примитивным существом, вынужденным день за днем бороться за выживание. Теперь он – самый могущественный вид на планете. Эволюция пылесосов прошла такой же путь: от первых примитивных устройств до самых совершенных моделей компании Ssung*” – и др. и пр. Плачет, когда вспоминает о некоей автоматически открывающейся передней задвижке щетки: “она открывается, собирая пыль, а затем закрывается, не позволяя попасть ей обратно на пол...”. Говоря об улучшенной “интеллектуальной задвижке”, агрессивно смеется и называет свои тексты “информационным империализмом”. Мечтает найти гормоны человечности. Любит попугаев, аквариумных рыбок (разводит), а

также красное кружевное белье. Страдает “от непонимания и одиночества”. Напивается примерно раз в месяц; потребности в компании при этом не испытывает. Профессиональная аллергия на любые виды текста».

«*Больная С.*, 36 лет, домохозяйка. Считает себя одним из воплощений Нефертити – носит в кошельке фотографию бюста царицы и, сравнивая со своим изображением, постоянно находит все новые “общие черты”; “Нефер-Неферу-Атон-Нефертити” произносит с улыбочкой. Эгоцентрична, настаивает на собственной исключительности. Называет себя “актрисой и художницей”, хотя с искусством не связана. Изменяет мужу с периодичностью раз в квартал, детей не имеет; часто испытывает страх перед действием. Постоянно говорит о сексуальном контакте с неким “пришельцем”; жаждет повторения, потому как “на земле такого просто не может быть”. Наставляет при случае “на путь истинный”. Любить неспособна. Решение пройти курс лечения объясняет тем, что ей “скучно жить”».

«*Больной Р.*, 47 лет, душеед. Женат, имеет склонную к адюльтерам супругу Риту и собаку Риту; обоим сукам присвоил порядковые номера. С Ритой-1 отношения скорее партнерские, нежели супружеские – об интимных “обязанностях”, во всяком случае, речь давно не идет по причине половой слабости профессора. Риту-2 ценит за искренность и бескорыстие, природу коих до конца понять не в состоянии. В больничке работает двадцатый год. Как и Гиппократ, склоняется к тому, что в основе возникновения анимарических воспалений лежит некая физическая причина, однако, как всякий матерьялист, считает пребывание так называемой разумной анимы в мозге “мракобесием”. В лечении анимарических воспалений активно применяет разнообразные комбинации нейролептиков и других анимафармакологических средств, в большинстве случаев превращающих его пациентов в живых трупов. Столкнувшись впервые с голосами и *существами*, испытал жгучее чувство страха: понимая, что ни те ни другие не являются поллюцинациями, но лишь открывают гипотетическую дверь в иные, пока не доступные хоминидам (в массе своей) измерения, осознал, пусть и на бессознательном уровне, всю иллюзорность такого понятия как “нормальность”, а также собственную профессиональную и хоминидную никчемность, которую Милан Кундера назвал непереводаемым на язык больного Р. словечком *литость*³³».

Захлопнув ежедневник, Рыков злобно покосился на *существо*, мирно сидящее на ящике письменного стола и, тяжело вздохнув, решил «искать ответа у книг», благо было их у него пруд пруди. Ну да, ну да, восприятие без объекта³⁴... присовокупим сюда пресловутый когнитивный диссонанс, размышлял он, подвигая стремянку к высоченному стеллажу: классика жанра, как учили-с, да только что ему делать со злосчастными установками?.. Как их, взаимоисключающие, изменишь, коли *существа* – вовсе, как **кажется**, не плод больного воображения, но реальность, данная ему, Рыкову, в ощущениях, только иная, нематериальная?.. Эх, Ильич, Ильич – что твой Бруевич!.. А ведь, пожалуй, даже если и подлечить восточногоминландский его взгляд на мирок, подшлифовать, превратив тот, скажем, в англосаксонский, американский, ну или западноевропейский, все равно ничего *в существах* не изменится – ни-че-го-шень-ки, в том-то и ужас!.. Схватившись за гульфик, Пал Палыч сглотнул слюну, поставил ножку на ступеньку стремянки, потом на другую, третью, и через несколько секунд оказался под натяжным (новая “умная” модель) потолком: там, на верхотуре, пылились труды Киллеровского, Слюничевского, Хербикова, Жлообса да прочих мужей, не менее ученых, с патологией чувственной части познания знакомых не совсем чтоб уж понаслышке. «Мнимое восприятие с характером действительности», – перечитал

³³ Литость – мучительное состояние, порожденное видом собственного, внезапно обнаруженного убожества (Кундера, «Книга смеха и забвения»).

³⁴ Галлюцинация.

наш поллюцинант хрестоматийное определение своих **картинок**, а увидев, что на ослиповском «Курсе общего учения об анимарических восполеваниях» сидит, свесив прозрачные лапки-ниточки, розово-сиреневое *существо* с небесно-голубыми фасетчатыми глазами, неожиданно расчувствовался – «А ведь она – она? – пожалуй, красива... Да-да! Что-то в ней – в ней? – определенно есть...» – и, потеряв внезапно равновесие (опять, опять эта чертова вспышка!), полетел со всей дури на пол.

«Мечтаешь о горячей пыли далекого континента, токтор? Устал от серого асфальта городских улиц? Слышишь звяканье шпор на сапогах и звон браслетов на запястье босоногой принцессы? Видишь меч, пронзающий шелк?...» – больная мозоль! О, Рыков мечтал, Рыков **видел**, потому как серый асфальт и впрямь достал, ну а что касается босоногой принцессы – *я скромной девушкой была*, – то черная латексная маска с ярко-розовым резиновым ртом уже склонялась над ним, и Пал Палыч – *ви́рго дум флоробам* – не боялся, совсем почему-то не боялся того, что сейчас, к примеру, войдет Рита-1... КУЙ-ЖЕЛЕЗО, рекламка того самого ваалшебного препарата, который «грех не попробовать» – *нежна, приветлива, мила, омнибус плацебам*, – и в самом деле сотворила чудо, но главное диво дивное таилось, конечно, в Голосе, вибрации которого вводили Рыкова в иное, совсем иное пространство! Он **видел** – *пошла я как-то на лужок* – в глазах принцессы торсионные поля, не подозревая, впрочем, что это – *флорес адунаре* – именно они, **видел** – *да захотел меня дружок* – информацию, которую те несли, чувствуя, что именно content, как выражался один из безнадёжных пациентов Пал Палыча, и есть способ существования самой жизни – *иби дефлораре*, – таинственное ее проявление; **видел** матрицу, вмещавшую в себя опыт каждой – *он взял меня под локоток*, – абсолютно каждой – *сед нон индецентер* – анимашонки, причем в разных фазах развития: так до Рыкова наконец-то дошло, что настоящее, прошлое и будущее – *и прямо в роуу уволок*, – и впрямь слиты, и если **раньше** – *вальде фраздулентер* – он мог воспринять лишь крошечный эпизод из этого невероятного фильма ужасов – *он платье стал с меня срывать*, – то теперь воображал себя едва ли не Криэйтором, разглядывающим со стороны – *вальде индецентер* – собственную конспиративную оболочку: итак, он, Рыков, выполняет задание – *мне ручки белые ломать*, – да-да, к мозгу его подключено энное количество датчиков... в общем, служит он – *мультиум виолентер* – Высокой Науке, и нечего тут со свиным своим рылом...

Гул голосов меж тем усиливался – сначала Рыков слышал одну лишь принцессу, но потом различил вторую, третью, пятую (меццо), уловил как минимум семь баритонов, девять басов, шестнадцать тенорков и даже одного контратенора, ну а когда окончательно потерял им счет и попытался «проснуться» (впрочем, ко сну, как и к анимарическому восполеванию, это не имело, разумеется, никакого отношения), на головку его обрушился тот самый шквал content'а, от ужаса которого Пал Палыч и пытался избавиться – стоит ли говорить, что безуспешно? – страдающего seo-копирайтинговым микробом папца семейства... «Остановись, токтор! Остановись и задумайся о Плане... Хотя ты и выложил на “Однохлевточных. ru” все что мог, данных для эксперимента недостаточно, а потому бутьготоф: скоро у тебя, как и у всякого хоминида, – радуйся! – появится модная IP-цацка: ни один разговор, ни одно твоё действие не оставят – гордись! – без Высочайшего Внимания! Оно – благодари, да благодари же... – выправит анимарические позывы, декодирует каждую мысль, обнулит эмоции, повлияет на глубинные чувства, зачистит контент долговременной памяти... Великая НаноЭра ждет тебя!» – «Группа Разработчиков ожидает, что применение данного Стандарта окажет существенное воздействие на формирование вашей личной отчетности. Группа предупреждает, что уполномочена применить к вам, в случае Непонимания, Разъяснение № 10986352 Комитета по Стандартам Протоколов, и в случае Неподчинения или

Помех, которые вы можете создать намеренно или случайно, подвергнуть вас насилию как моральному, так физическому...» – «И имей в виду: анима несвободной лишь в момент вспышки – вы это “оплодотворением” называете – делается, ну а потом – тьма тьмущая до Ходки новой... Ты вот почему, думаешь, весь уродом двадцать пятый на уши тогда поднял? Сны о будущем не ушли, вот и маялся – в матке жизнь целую прожил: что было, что будет – все видел, все наперед знал... А как вылупился – ну, рыдать! Кабы анима ведала, никогда б сюда не спустилась – вот хоминидов и того... “выключают”: рабсилу-то где брать?.. боЖЕСТВенные, знаешь ли, хитрости...» – «Хоминиды, Рыков, – обыкновенный сбой программы. Что же Тушки касается, то не Его это рук дело... Он **мир** создал, ну а Тушку туда *вдохнул* только: Тушка-то *всегда* была, всегда-а, слышь?.. Со-Творение у Них. На равных, фифти-фифти, балом правят! 50х50: это ж как два байта...» – «Не веришь в магию, Рыков? Кишка тонка энергии больше набрать, чем враз “слить” можешь? Но коли сможешь, тогда и портал откроешь, и в сновидение войдешь... Двойника своего полевого, опять же, увидишь... Чего дрожишь?.. И не такой стоп-кадр из трехмерки вырезали... Да не дергайся, шустрый... Сознанку кодернём – и куй, токтор, железо!» – «Это невроз, ну пусть это будет невроз, ну пожалуйста-а, – хныкал Пал Палыч, – пусть ловушка, только не из воспоминаний, а...» – на «а» его окончательно обнулили, после чего перед зрительным аппаратом *существа* с невероятной быстротой завертелись разноцветные огненные шары. Никогда в жизни не видело оно таких ярких красок, никогда не ощущало такого бешеного – и вместе с тем мягкого, – тепла. И когда – текучее, пластичное, состоящее из одного только воздушного и светового эфира, – оно попало в похожее на кишку коммунального аппендикса пространство с мутноватым пятном, маячившим над дверью сортира (это ли пресловутая «хуманистическая лампада» в конце известно чего?), то почувствовало себя обманутым – обманутым несмотря даже на то, что представлений о переживаниях своих составить уже не могло, как не могло их запомнить или сохранить... Страшного, впрочем, ничего не было, а если что и пугало новоприбывшего, так это непроницаемые блоки, с маниакальной дотошностью – пазл в пазл – расставленные над хрустной его планеткой: благодаря им небесный «контент» и оказывался для большинства из тех, на чьих клетках красовалась классификационная табличка Хордовый Позвоночный Млекопитающий Примат, недоступным... И все же окольные пути неисповедимы: если взять производные от случайных событий, строгой зависимости в итоге, понятное дело, не избежать – кое-что в бессознанку все же просачивалось, и переживший upgrade Рыков понимал, что лишь благодаря утечке информации – давным-давно, в прошлой, как говорили особо продвинутые хоминиды, жизни, – он признался Марго, не названной еще Ритой-1, в любви, да-да, и нечего кривить щель, а спустя десять лет, весной девяносто восьмого, существование Кризйтора³⁵ было, наконец, официально признано, enter.

Очнувшись, Пал Палыч увидел обнюхивающую его Риту-2, чихнул и осторожно – головка кружилась – приподнялся и огляделся: *ни существа*... Странно, он будто б свыкся уже с их присутствием... Неужто и впрямь привиделись? Да, но в таком, знаете ли, ракурсе... С такими, знаете ли, деталями... Нет-нет, не то, все – не то... в том смысле, что быть не может, чтоб не было!.. Он **видел**, он помнит... помнит *их*... «Рита! – позвал Рыков Риту-1, и та хоть и не сразу, хоть и без удовольствия, но все же отозвалась. – Можешь представить, где я сейчас был? Только не подумай чего...». Не помня себя, Пал Палыч, потерявший вдруг, будто очарованный прелестницей व्यюноша, всякую бдительность, с жаром принялся описывать благоверной все то, что называлось на ее языке симптомами и обсуждению с пациентом не подлежало. «Существа? Голоса?» – покачала она головой и, отвернувшись, проку-

³⁵ Весной 1998-го в Троице-Сергиевой лавре в докладе академика Н. П. Бехтерева на Всемирном р.н. Соборе во главе с Алексием II и президентом РАН академиком Осинковым, существование Творца было, хотя Рыков о том и не ведал, официально признано (*прим. райтера*).

сила до крови сначала нижнюю губку, а затем, для ровного счета, верхнюю – прокусила, заметим, не столь от отчаяния, охватывающего по обыкновению хоминида, когда тот отчетливо видит в ближнем своем клиента анимарических услуг, сколь от виртуального щелчка по носу, вызванного, как казалось теперь Рите-1, исключительно ее профнепригодностью.

Что тут скажешь! Воздух был чист и свеж, а Виленинский проспект, по которому шагал наш галлюцинант, как-то по-особому светел. «В Хоми-юге лишь Хоми дарует все желаемое, в Хоми-юге лишь Хоми – единственная, кто должен быть почитаем!»³⁶ – услышал Рыков голос *существа*, махнувшего ему лапкой с крыши троллейбусной остановки, и улыбнулся: чего, в сущности, страшиться? Неведомая февральность, оголившая плечико, куда как совершеннее февральности привычной: да ему теперь море по колено, да он теперь... *Тра-та-та-та*, застучало в висках (контент-передоз, подсказало *существо*, но Рыков не расслышал), *тра-та-та-та* – информация, экскрементируемая снулыми гоминидами, наваяла-таки на Пал Палыча меланхолию. «Конвейер, с которого никто не сойдет», – так примерно рассуждал он, то и дело дотрагиваясь до зоны третьего глаза, в которую и было, ежели кто забыл, намеренно засвечено, и изо всех сил старался не вслушиваться, не всматриваться, не вчитываться в то, что: главные враги Хоминляндии – казнокрады, шпионы и террористы – наконец-то названы, погибших в ДТП в Пыталово похоронят за счет средств бюджета, сурок Фил предсказал, будто зима продлится еще шесть недель, альтернативы доллару пока нет, автомобилисты страдают повышенным нарциссизмом, эксперты рассуждают, как – V-, U-, L-или W-образно – будет развиваться кризис, хоминидка может хранить тайну не более сорока семи часов пятнадцати минут, около четырехсот священников приступят к работе в хоминляндских воинских частях, сперму можно вырабатывать и без самца-хоминида, если жить для себя, жизнь будет короткая, но если жить для ислама, она будет вечной, секси-киски из Варьино – к вам, к нам!.. «Тпрррррр! С Ма-аасквы, с Па-асада, с Ка-алашного ряда!.. – какой-то господин в пенсне подмигнул Рыкову и, отпустив извозчика, заметил: – Долгое произношение первого предупредного гласного и впрямь забавно, не находите?.. Но еще забавней мой сценарий для собаки Ольки... У вашей суки тоже ведь, коли не ошибаюсь, дамская кличка? Впрочем... вообразите-ка, дружище: актриска падает ниц, обнимает мои колени, а засим целует руки: и это только начало!.. – Пал Палыч занервничал: лицо господина в пенсне казалось знакомым, но вспомнить, где и когда они встречались, было невозможно. – Эх, всё пустое, дружище, верьте на слово... – словно читая мысли Рыкова, господин в пенсне хлопнул его по плечу и зашелся кашлем. – Главное, ничего не бойтесь! Я бы на вашем месте завернул, знаете ли, в Соболев... Вы мещанскую сторонуюшку-то все по “Больному Головину”, верно, знаете – знатный был винный, да-с!.. В восьмидесятом – тысяча девятьсот, сами понимаете: я уж на Стародевичьем прописался, – сказывал один совпис, будто познакомился он там с некой особой, ну а особа та, не будь ду...» – стараясь не потерять нить разговора, Пал Палыч судорожно соображал, при каких обстоятельствах мог видеть господина в пенсне, но ничего путного из этого не выходило. «Сто “запретных” домов на четыре переулка коротких! – продолжал меж тем неизвестный. – Неужто не знаете? Есть, осмелюсь доложить, барышни весьма прехорошенькие... Постойте-ка: да вы, сдается мне, нездоровы... Анимарическое восполевание? Отчасти – дышите-с! – мы с вами коллеги... Хотите ли охладить то, что болит, – не дышите-с! – по обыкновению, от тоски? Впрочем, – дышите-с! – на пустое сердце льда не кладут, – покачав головой, господин в пенсне убрал фонендоскоп в саквояж и продолжил: – Когда твое тело возвращают домой в вагоне для перевозки устриц, на такие штуки как жизнь и смерть начинаешь смотреть в некотором роде со стороны – как, впрочем, и на то, что вы, Пал Палыч, в силу ряда причин называете поллю-

³⁶ «В Кали-юге лишь Кали дарует все желаемое...» (Шактапрамоды, – прим. райтера).

цинациями. Тимоти на вас нет... какие законы физики! Вздор. Вы, как и все эти хоминиды, – господин в пенсне указал на прохожих, – принимаете сию февральность за единственную. Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего с вами после подобного заблуждения не вышло! Хоминиды, конечно, и к речи – по большей части, членораздельной – способны, и мыслить абстрактно (пусть самую малость) худо-бедно умеют... Особенно хорошо то, что шиньон из кости у них вконец отвалился, черепушка – обратите внимание на основание, коллега! – вогнулась, клетка, в которой томится сердце, уплощилась, ну а мозги, ежели сравнить те с мозгами других приматов, в целом заметно потяжелели: с другой стороны, мозг, скажем, самки гоминида весит меньше, нежели мозг самца, однако деградация мужских особей, как выражаются ваши СМИ, “достигла общепланетарного масштаба”... Но мы-то с вами, Пал Палыч, знаем: *граммы* ни при чем... – простите, не представился: Че, зовите меня Доктор Че...» – «А что, **что** – причем? – взорвался вдруг, бросив футляр на мостовую, Рыков. – *Существа* окружили, *голоса* на каждом шагу... я, знаете ли, всю жизнь – слышите? – всю жы-ызню тем только и занимался, что лечил... от **этого самого** лечил... и потому скажу со всей откровенностью: дело дрянь...» – «Ну-ну, не горячитесь! – усмехнулся Доктор Че. – Бессчетное множество февральностей ждет вас! Смиритесь, дружище, и простите себя: в конце концов, быть безумным не так уж скверно – если, конечно, расценивать *вспышку* как безумие... Ваши-то лекари простейшую медитацию „сенсорной депривацией“ обзывают... да если б они только *позволили* себе в февральность иную выйти! Если б хоть раз тем самым “органом”, от которого вы, Пал Палыч, хоминидов полжизни избавить хотели, ее ощутили!.. О, тогда б вы поняли, почему Тимоти говорил, что никакой “метаболической комы” не существует, а шестая раса... – не завершив фразу, Доктор Че достал вдруг флягу и, сделав большой глоток, хитро подмигнул Пал Палычу: – Но кому нужна бесстрашная паства? *Crus Medicorum*³⁷! Присоединяйтесь, дружище: знатное питье!..» – запахло жареным, а потом спорыньей. Рыков сам не заметил, как очутился в Наташкином саду: прислонившись к Хмельёвской стене, он приник к горлышку и немедленно выпил, а, крикнув, выдал, что в Сиэтле сейчас плюс девятнадцать, в Оттаве и Цюрихе – шестнадцать, в Бостоне – двадцать один, в Лос-Анджелесе – двадцать семь, на Ибице – двадцать шесть, в Салониках – двадцать пять, в Стокгольме и Бергене – тринадцать, в Дамаске и на Кипре – тридцать, ну а в Калькутте – тридцать один градус, la-la, а значит на хоминидов надо реагировать как на снег, осенило Рыкова, ну или как на дождь, одно слово – **осадки**: идут себе и идут – ему-то что? Он не имеет права их судить – точнее, не хочет больше... и Риту-1 вот тоже: Рита-1 не более чем снег... не более чем дождь... Рита-1 тоже не виновата, что *идет*, не виновата, что *не видит*: общее чувственное недоразвитие, эмпатийная недостаточность, анимаристическая отсталость средней степени тяжести... Поэтому так: вот снег, вот дождь, – а больше и нет ничего... никого... Да что такое, в сущности, *wichige leute*³⁸?.. Смех в зале – и далее по тексту: хоминид есть червь; что же касается «генетически заложенной» потребности играть, то все это, как сообщает Вестник объединенных февральностей, фуэта и гнобление Пуха, – так примерно размышлял Пал Палыч, шагавший в направлении Дурского: он никогда не бывал в Цыплаках, и потому торопился на электричку. По дороге он купил газету, зашел в «Тинно-Такки» и, заказав темное пиво, загрустил ну совсем как какой-нибудь человек. Как и *существа*, Рыков, разумеется, знал, что приему в больничку подлежат хоминиды, нуждающиеся по анимаристическому своему состоянию в лечебно-воспитательных мероприятиях в условиях анимаристического стокционара, – но не знал, что за ним уже выехали.

³⁷ Крест медика.

³⁸ «Важные люди».

[монетки счастья]

Постояв несколько минут в нерешительности, Сухова все-таки толкнула прихотливую эту конструкцию. *Дернешь за веревочку...* в голове промелькнула, впрочем, скорее, не сама даже фраза или лейттема унылой полифонии (*эти*, разумеется, ставят ударение на предпоследний), которую героине нашей не то чтоб очень уж хотелось назвать зановошенным word'очком «жизнь» – нет-нет, зазвучало, скорее, некое визуальное противосложение: *Бабушка-бабушка, а почему у тебя?..*

Далее опускаем.

С некоторых пор она избегала бук-шопов: профзаболевание, подхваченное в том самом отделе реализации дышащего на ладан ИД, специализировавшегося на «гордой» (она же «бесценная», «непродажная») буржуинской и местного замеса пол- & лит-ре. Все, что нужно было знать о книге как о товаре, умещалось в нескольких строках (Arial, 12 кегль: Times New Roman Сухова почему-то недолюбливала): серия/автор/название/аннотация/ISBN/тираж/цена вопроса. Скопировав сюда же, в Документ Microsoft Word, обложку-small, она кидала сей вирт-манок товаро-пардонте-ведам, ну а дальше совсем уж тупо: *кол-во пач., шт. в пач., отгруз., достав., накладн.* – и др. и пр. Через какое-то время начинались возвраты, платежи, акты и проч., о чем авторы (словечко это считалось в агонизирующем коллективчике ругательным), которых Сухова силилась по долгу службы худо-бедно «обслужить» (продать), не имели по большей части никакого представления – как не имели они никакого представления и о том, что *на самом деле* говорили о них editor'вши³⁹ заглавные и строчные, а также Тот, кто совсем недавно жал их, малоприбыльные с точки зрения премиального литпроцесса, ручки да улыбался во все имплантаты.

Комната, где отсиживала Сухова с десяти до семи – отсиживала, заметим, вместе с косящим на оба глаза потливым мальчиком тридцати лет от роду да жабьерылой mademoiselle, к месту и не к месту цитировавшей того самого классика, на чьей могиле Сухову когда-то стошнило (ужасный, и впрямь ужасный токсикоз – и тут же: *я не хочу печалить вас ничем*), – от пола до потолка была завалена тем самым **продуктом**, из-за которого одинокие пиплы, владеющие языком – шкала от худо-bedno до excellent, – горделиво и одновременно робко прячущиеся под собственными фамилиями, не спали ночей-с, играли в «ворованный воздух» да расставались с теми самыми «0.5», тщетно силящимися понять так называемую магию их word'a. Сухова, впрочем, давно не силилась – она ничего не читала с тех самых пор, как б.-у. – шный ее husband, небезызвестный переводчик, предложил ей роль старшей ж. и уж хотел было представить новую свою пессию с тем, чтоб – *ну мы же современные люди* – «devochki подружились».

Сняв вмиг потускневшее от адюльтеришки колечко, тогда, три года назад, она все-таки расклеилась – и Даня, голубоглазый шкодник, сказал то, что говорят обычно в таких случаях все дети: «Ма, ты чего?..» – и, не дождавшись ответа, побежал в ванную за салфеткой; далее опускаем, возвращаясь к началу текста и вспоминая, что дверь-таки открылась.

Сколько лет не была она в бук-шопе *просто так* – сколько лет не смотрела на полки, заставленные разноцветными томиками, без треклятой профнадобы? Репертуар слева – Сухова огляделась – показался поначалу забавным (на вывеску ЭЗОКНИГА она не обратила внимания): «Как легко и быстро испортить жизнь себе и другим», «Ускоренный курс прак-

³⁹ Editor – редактор.

тической магии», «Привлекаем деньги» и пр. То, что находилось справа – Саи Баба, Ошо, Айванхов и пр., – священного трепета тоже не вызвало, и все же кое-что – а *кое-чем* оказался пресловутый Карлос К. – она все-таки полистала: небезызвестный афоризм «Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все что угодно. В любое время. Мгновенно» ввел heroИню нашу в легкий ступор: на мгновение она, будто ее «выключили», застыла, а потом, словно опомнившись, повертела в руках зеленый томик да и поставила безвольно на место. Собравшись же было уходить – Данька наверняка ничего не ел: новые выкрутасы, ну-ну, – Сухова вдруг резко повернулась и пошла назад, но не к опусам Карлоса К., а к «левым», среди которых чего только не было – глаза с непривычки разбегались: и *Ритуалы на привлечение счастья* («...книга поможет избавиться от жизненных неурядиц, семейных и межличностных проблем»), и *Защита от денежных пробоев* («...прочитав эту книгу, вы навсегда забудете о материальных проблемах!»), и *Магия денег* («...эта книга притянет к вам удачу и успех: талисманы, амулеты, заговоры») etc. Сухова поглаживала подушечками пальцев то одну аляповатую обложку (у них в ИД такие ваяли «для регионов»), то другую, а когда, наконец, это прискучило, положила на кассу три, взятых наугад, «эквивалента счастья», не вспоминала про которые до тех самых пор, пока они в буквальном смысле не свалились ей на голову: «О-о... – только и выдавила из себя тогда наша heroИня. – О!...». А что еще из себя выдавишь?.. Ну разве слезу: ее-то и смахнем.

Это был, как уверяли СМИ, самый мрачный ноябрь за последние сто лет – утешение, разумеется, слабое для того чтобы **держаться**; впрочем, Сухова держалась, и где-то как-то это даже срабатывало. Надо было *всего лишь* чего-то не замечать, настраиваться на, будь он неладен, *rozitiff* («...нажмешь на словечко...» – «..бабушка, но по-че-му?!...») да не принимать ни-че-го близко к тому, что двуногие все еще называют сердцем. И Сухова не замечала, настраивалась и не принимала, однако даже квартира, летом в которой было невыносимо жарко, а зимой – чудовищно холодно, казалось, и та смеялась над ней. От невидимого сего оскала Сухова внутренне съеживалась и качала головой, чем вызывала недовольство сына: «Ма, ты чего, сама с собой уже разговариваешь?..» – после развода отношения с Данькой не то чтоб ухудшились: нет-нет, он был *понятлив*, и все же что-то неуловимое, не имеющее названия, из них исчезло.

Обида – профессионально, со знанием дела выедающая душу, – не торопилась растворяться в чудодейственном эликсире прощения: Сухова решила было пуститься «во все тяжкие», но сдержалась (остановил, кстати, не в последнюю очередь и потенциально возможный букет ЗППП), а когда, двадцать четыре месяца спустя, вспомнила, что все это время в постель ее «не ступала нога человека» (пошлейший, пошлейший анекдот! и жизнь... жизнь у нее такая же... пош-лей-ша-я), расхохоталась. *Вспоминание* это пришлось, к слову сказать, на тот самый период, когда ИД, в отделе реализации которого просидела heroИня наша без малого пять лет, занялся тем, что называют высвобождением персонала – под «антикризисную» его политику Сухова и попала: п.3 ст.77 ТК РФ, далее опускаем.

То, что было отложено «на море», проели за два месяца: хоть к Deus'у обращайся, хоть к Яндекс'у – едино. Job-сайты, все меньше пестрящие объявлениями о хоть сколько-нибудь достойном занятии, не вызывали у Суховой ничего, кроме усталого раздражения, доходящего порой до брезгливости, а то и отчаяния – первые четыре недели ее, болтающееся в Сети и куда только не рассылается, CV оставалось незамеченным, будто несуществующим в природе (спам типа «женщине-руководителю требуется помощник» опускаем); вторые четыре, равно как и последующие, впрочем, тоже... Кому нужен сейчас, думала она, ее **опыт** – сейчас, когда тиражи урезаны, а типографский прайс и не думает спускаться не то что с мело-

ванных, но даже с офсетных своих занебеснутостей? А дальше: *Массовка в кино! Опыт не обязателен!* Так, проткнув дедовским шилом еще одно – в сторону, разумеется, уменьшения ОТ⁴⁰ – отверстие на ремне, Сухова и приблизилась вплотную к «важнейшему из всех видов искусства», так и впустила его (пятьсот пятьдесят рэ в день: что ж, лучше чем ничего) в плоть и кровь. Впускала же до тех самых пор, пока не слегла с жесточайшим гриппом (слегла, на самом деле, от обиды: г-н режиссер не считал за людей не то что массовку с эпизодниками, но и актеров, неустанно указывая младшим по разуму братьям, а особенно сестрам, их **место**): съемки *на натуре* – дождь, ветер – окончательно вышибли из головы «дурь», и именно тогда-то и свалились на нее – макушка: аккурат! свят-свят! – «Ритуалы и заговоры».

Стилек авторессы вызывал поначалу усмешку: перелистывая страницы – одну за другой, одну за другой, – Сухова то морщилась, то качала головой, но в какой-то момент поняла, что купила **это** вовсе не для эстетического удовольствия. Ей, Суховой, сорок три. Да, сорок три – не много и не мало: что дальше? Что она будет делать *далее*, если «кризис» затянется? (Скидывать со счетов возрастной ценз тоже глупо – найти **место** после сорока гораздо сложнее, чем, скажем, в тридцать: ты уже second hand, тебя давно отъюзали «не по-дедцки»⁴¹). Ок, ок, можно и так: что они с Данькой будут есть? Вопрос не праздный: husband платит алименты «по белой», gondo о потерянном гроше: одно слово – **переводчик**, круг замыкается, – а не пошли бы вы на translate.ru?.. (Общую лексику опускаем).

Пошатываясь – температура не спадала уже неделю, – Сухова дошла до кухни и, еще раз бросив взгляд на *содержание*, закурила, довольно быстро, впрочем, затушив сигарету: кисловатый привкус дыма вызвал кашель. Что знает она об «энергетической теории денег», о «стратегии богатства и бедности», об «обрядках на удачу», наконец?.. Что вообще понимает в чертовой этой ж.? Пригодился ли ей ее «ум», помог ли выкарабкаться из долговой ямы? Нет-нет, ша. Наплевать на стилек! В прошлую субботу она чуть не двинула кони. В прошлую субботу Данька тихо скулил в ванной, а она «не слышала». Ок, ок: бытовая магия – и тут же, контрапунктом: «Докатилась!». ... Какая, впрочем, разница? Одна дает, другая дразнится: ей, Суховой, нужна информация, просто информация – а там видно будет.

Когда чуть-чуть полегчало, она снова отправилась в тот самый эзотерический бук-шоп и прикупила стопочку книжек в мягких обложках, аляповатость которых, как уже говорилось, по представлениям столичных издателей, привлечет внимание *регионального потребителя*: «Знаки и магия денег», «Думаем и богатеем», «Сам себе банкир» etc. – и погрузилась, благо времени было много, в чтение. Материальчик, надо сказать, поначалу обнадеживал: еще бы! **Каждый**, уверяли Сухову, может «приворожить» финансовый поток, просто подключившись определенным способом к денежному эгрегору. В качестве доводов приводилось немало «сто процентных» способов: скажем, заговоренная в определенные дни вода, «колдовские» амулеты или аффирмации на любой вкус и фасон, которые следует повторять каждый день в течение, как минимум, месяца (что-то типа «Я люблю деньги, они легко входят в мою жизнь: я зарабатываю их с удовольствием и с удовольствием трачу», etc.). Также *маги* советовали класть в кошель хрен и вереск, потому как именно они собирают материальную энергию, да выходить двенадцать полнолуний подряд – в полночь, разумеется, – на улицу и крутиться, пока не упадешь, волчком («двенадцать полнолуний подряд выдержать сложно», трогательно предупреждали Сухову). В одном из доморощенных «гримуаров» приводился также *шепоток на кошелек*: «Как звезд на небе много, – пробормотала Сухова, – как воды в море хватает, так и моему кошелю чтоб денег было много и всегда хва-

⁴⁰ Объем талии.

⁴¹ От «user».

тало, аминь»: шептать следовало, вестимо, на растущей Луне, когда видимая ее половина освещается солнечным светом.

Первая четверть растущей в Рыбах Луны приходилась на двадцать пятое ноября: отсчет шел с 0:39. В ту ночь Сухова впервые задумалась, почему *ведьмы* зависимы от загадочной сей планетки, а утром, как только выпроводила хмурого – улыбаться он, что ли, разучился? – Даньку в школу, стала спешно собираться. Еще бы, столько всего успеть надо! И веник купить новый (лучше два), и доллар без шестерок в номере, и ленточку красивую зеленую, и монеток пятикопеечных разменять, и... да, банку не забыть! – банку из стекла толстого, чтоб в морозильник воду-то... и свечи... свечи... в «Софрино» дешевле, значит, на «Павелецкую» еще... ничего не упустила?... А! Заговор...

Сложив в кошелек все деньги, которые были в доме, Сухова положила его в карман, а потом, взяв один из «гримуаров», подошла к большому, висевшему в коридоре, зеркалу, и трижды – с чувством, да бестолку – произнесла: «Как звезд на небе изобильно, как воды в океане чаша полная, как песка в пустыне преизобильно, так и денег у меня все больше и больше становится» – для пущей важности *негоИня* наша покрыла голову черной шалью; далее опускаем.

Стремительно выбежав из подъезда, она едва не сбила с ног соседку, ожидавшую привычного «здрась» и крайне удивленную неприветливостью «этой разведёнки» – какая-то сила, неведомая раньше, несла Сухову навстречу *светлому будущему*.

Казалось, в тело ее вошла невероятная мощь, и потому нет ничего такого, чего нельзя было преодолеть или осилить... У нее все получится, она уверена – у *богини самые простые вкусы: она довольствуется самым лучшим*⁴²! Надо только все сделать **правильно**... как по нотам – зернышко к зернышку... пшеница, черт! Пшеницу-то прорастить забыла... и масло, масло – пихтовое да бергамотовое купить... В аптеке – вон-он за тем домом... И маслом этим, значит, свечи-то зеленые натереть потом – все семь... Ведро еще... ведро новое железное (а где теперь железные? одна пластмасса!)... и ткань, опять же, зеленую: цвет денег... И почему не записала? Да что теперь... ладно, что купит – то купит, а если забудет чего – не страшно: Луна только начала расти, время есть.

Она терпеть не могла галантереи – все эти дамочки, выбирающие кружева да пуговицы, казались ей смешными: забавно, теперь она стала одной из них – одной из тех самых клуш «второй свежести», рассматривающей тесемки да ленточки; впрочем, *для дела* Сухова могла постоять и не в такой очереди. «Мне, пожалуйста, эту... – попросила она дебелую продавщицу: полметра атласной полоски – что ж, неплохо! – А веники не знаете где... у вас... тут?..». Кукла за прилавком подняла брови и сделала невнятный жест в сторону первого этажа: Сухова кивнула и кинулась вниз. Не сразу найдя хозяйственный отдел (... мисочку! мисочку еще забыла! зеленую! чтоб монетки духам, под заклинание! утром и вечером!.. дура!..), она обошла полсупермаркета, прежде чем заметила недешевые «фирменные» метелки – впрочем, в книжке было сказано «не торгуясь», поэтому Сухова и подхватила, не задумываясь, две, а, выйдя на улицу, выдохнула и огляделась: все как всегда – собаки, голуби, машины, люди, – есть лишь одно «но»: **она** – о, чудо – другая: «Просто и без напряжения, сохраняя здоровье и позитивный настрой, я создаю свой полный финансовый успех» – дастиш фантастиш, ес?..

⁴² О. Уайльд.

В обменнике прыщавая девица ехидно поинтересовалась, чем ее не устраивает купюра с тремя шестерками в номере, на что Сухова простодушно ответила: «А вы купите веник, привяжите к нему зеленой ленточкой доллар без этих цифр, поставьте в угол метелкой вверх – а там узнаете! Главное, на растущей Луне только...». На мгновение в мутных глазах девицы вспыхнуло что-то вроде вялого интереса, но так же быстро и погасло. Протянув *странной тетке* заветную бумажку, она хмыкнула: «Будут деньги – заходите». Непременно! У нее-то они теперь точно будут, думала Сухова, почем свет кляня себя за то, что раньше ей и в голову не приходило привлекать к так называемому процессу накопления магические силы – не столь важно, какие.

«Ом Гам Ганапатайе Сарве Вигхна Райе Сарвайя Сарве Гураве Ламба Дарайя Хрим Гам Намах» – тянула она, перебирая четки, сто восемь ночей подряд Мантру Великого Богатства, вычитанную все в том же «гримуаре»: там, впрочем, не говорилось о том, что мантра **работает** лишь после посвящения в нее, а большинство ритуалов действенны, если их проводит маг. Тем не менее каждый месяц покупала Сухова на растущей Луне желтую розу, зеленую свечу да гроздь винограда, а потом, уже после захода солнца, зажигала огонь, ставила цветок в вазу и, положив рядом виноград, внимательно вглядывалась в пламя да кое-что **представляла**: душеведы называли процесс сей скучным словечком «визуализация», далее опускаем.

Дни, как всегда, следовали за днями, месяцы сменяли месяцы, а ничего у Суховой не менялось, ничегошеньки. «Я Есмь, Я Есмь, Я Есмь воскрешение и жизнь моих финансов, я получаю сейчас средства на жизнь от Высших Сил для себя!» – упорно повторяла она каждое утро, стоя перед зеркалом, однако *babki* по-прежнему не приходили. Сухова начала думать, что, может быть – даже наверняка – делает что-то неправильно: не так произносит заклинания, не с той интонацией или не в том порядке... иначе как же? Столько книг выпущено на эту тему – не могут же *все они* врать? Лунный календарь давно заменил ей светский: теперь Сухова много чего знала о том, в каком созвездии находится сейчас Луна, знала точное время и даты основных ее фаз, помнила о затмениях и даже о так называемой Луне без курса: времени, когда ветреная спутница нашего шарика находится вне знаков Зодиака... Где же подвох, в чем ошибка?... «Всё идет хорошо и будет только лучше, – повторяла она, едва не плача. – Мне хорошо. Я счастлива. Счастлива. Я очень счастлива! Всё идет хорошо и бу...» – но на *бу* однажды разрыдалась и рыдала до тех самых пор, пока не заставила себя вымыть пол (аффирмация «Мой мир заботится обо мне»), а уж когда стала собирать белье для прачечной (аффирмация «У меня появляется новая интересная высокооплачиваемая работа»), и вовсе запретила себе думать о ерунде.

Замечая мамашины странности, сын все больше отдалялся и в конце концов перестал спрашивать, почему она запирается вечерами в своей комнате. Впрочем, *heroИне* нашей было явно не до него: деньги стремительно таяли, ну а очередное *уникальное издание*, обещающее обретение богатства всем, кто приготовит противную воду и кое-что на нее нашепчет, стало очередным капканом, причем недешевым. На книжицу «Я излечу ваше безденежье» Сухова купилась благодаря одной из ММКВЯ, куда ее-таки затащил сын, зная, что *на выставке дешевле*, а значит, на иллюстрированную энциклопедию животных мать отстегнет. Они долго ходили между рядами, и Сухова с нескрываемым удовольствием отмечала, что Данька по-настоящему красив, к тому же, в отличие от большинства тинейджеров, любит читать. «Ну и где эта твоя энциклопедия?» – чуть было не спросила она, но не успела: ее внимание привлекла толпа, сгрудившаяся около дверей одного из конференц-залов, да куча-мала, облепившая лотки – все это походило больше на осаду, нежели на встречу автора с читателями.

Не обращая внимания на отчаянно жестикулирующего Даньку, Сухова потащила его в самую гущу разношерстной публички, мечтающей «оздоровиться и разбогатеть за сутки». *Магический трансиур*г, – сообщал крикливый плакат с изображением г-на волшебника. – *Роже Хулимов, потомственный целитель, навсегда излечит вас от денежных пробоев, вернет здоровье и привлечет удачу!* – Сухова вытянула шею, а нос ее словно бы заострился. – *Космическая энергия, которой управляет этот человек, не только избавит вас от всех недугов, но и откорректирует денежную карму!* – вцепившись в Данькину руку, Сухова потащила упирающегося сына к прилавку: «Ты не понимаешь... Если у нас будут деньги... То есть нельзя говорить “если”, надо говорить “как только”... и вот тогда... тогда я куплю тебе тысячу... тысячу энциклопедий... сразу... ты меня слышишь?..» – Данька не слышал.

Зал был забит до отказа. Г-н волшебник, вышедший на сцену в белом атласном пиджаке, на лацкане которого красовалась внушительных размеров звезда, говорил как по-писаному: «Все мы знаем, что властные структуры – их можно назвать также маятниками или эгрегорами – рассматривают человека прежде всего как единицу социальную. Они не заинтересованы в том, чтобы эта “единица” могла мыслить и чувствовать самостоятельно – разумеется, стадом управлять архинесложно: техника манипулятивных методов весьма изощрена. Вы можете даже не догадываться о том, что “подсажены” на некий “крючок” и обладаете той или иной степенью зависимости. Придумано даже такое словосочетание как “человеческие ресурсы”. Но можем ли мы – точнее будет сказать, имеем ли мы право верить в то, что являемся лишь винтиками, поддерживающими механизм агрессивной системы? Свобода и неограниченные возможности, заложенные в каждом из вас – точнее, свобода, проводником которой являюсь я...». Суховой было скучно, местами – очень, и все-таки она слушала, потому как знала: добиться успеха необходимо во что бы то ни стало (да она просто обязана! она не имеет права не поверить! сила мысли, пропади она пропадом... пусть **платцебо**, но все же **эффект**), ну а Данька... Данька ее еще благодарить будет: сбежал, правда, негодник – не может, видите ли, «мозги засорять»... Ладно, разберутся: в конце концов, без энциклопедии прожить можно, а вот без денег... Она должна купить все, ВСЕ книги Хулимова – абсолютно: вот тогда они с Данькой заживут!.. Сделают ремонт, съездят на море, оденутся *как люди*... что там им еще надо? Так сразу и не сообразишь, с ходу-то... «Читайте Роже Хулимова, выполняйте его упражнения, занимайтесь его духовной практикой: этот путь обязательно приведет вас к здоровью и богатству! Жизнь без болезней, стрессов и неприятностей: нужно ли что-то еще? Других вариантов спасения у нас с вами просто нет, а если даже и есть, то они, увы, малоэффективны для человека, живущего в мегаполисе. Конечно, сейчас вы можете сказать, будто это обыкновенная рекламная кампания, “промывание мозгов”... Но посмотрите на автора... почитайте отзывы его пациентов! Нет нужды уверять или разуверять вас...» – кумарила массовку Заглавная Editorvша издательства, озолотившегося на хулимовских нетленках, после чего объявила, что прямо сейчас г-н волшебник проведет некий (тут она сделала небольшую паузу) ри-ту-ал.

Во второй раз г-н Хулимов вышел на сцену уже в черном атласном пиджаке, на лацкане которого, впрочем, сияла все та же звезда. «Достаньте из кошелька мелочь, – приказал спаситель: зал послушно повиновался. – Теперь выберите пять пятирублевых монет: если не найдете, возьмите любые другие. – Зал заметно занервничал: пятирублевок в таком количестве почти ни у кого не оказалось; у несколько встревоженной Суховой также нашлось лишь три. – Ничего страшного, сколько есть, столько и есть, – успокоил Роже. – Главное – ваше желание! Вы же хотите стать богатыми? Хотите стать богатыми быстро, быстро, очень быстро? Как можно скорее?.. Прямо сейчас?.. – г-н Хулимов шустренько окинул взглядом зал: тот робко выдохнул единодушно-смущенное, отчасти затравленное, ДА. (Все это похо-

дило на советские **выборы**, только, так скажем, «вербальные», и Сухова невольно вспомнила, как тянула ее когда-то бабушка в школьный спортзал, оборудованный под святилище для голосования: тянула, дабы внучонка помогла донести до дома *хорошее* масло и пр. корм, полагающийся по талонам «гражданам-избирателям»: лишь долг перед *gaster*’ом⁴³ мог привести их на участок). – Тогда возьмите одну из монет, хорошенько потрите в ладонях, чтобы они стали горячими, и «приклейте» ко лбу. Потом вторую... Третью... Не упадут, не бойтесь... Та-ак, хорошо... Теперь проделайте это с остальными...». Зал заметно оживился, заулюлюкал; Сухова, довольно быстро справившаяся с этим нехитрым заданием, наблюдала с любопытством за соседями, а г-н волшебник, казалось, напрочь забыл о «ритуале». Теперь он рассказывал о своем уникальном тренинге: «Всем, присутствующим в зале, полагается десятипроцентная скидка! Забудьте о том, будто вы получаете ровно столько, сколько стоите, и ни копейкой больше: все это – жалкие выдумки политтехнологов, стремящихся навязать вам рабскую психологию, вложив свои “истинные” знания в уста так называемых душеведов. Я дарю вам настоящий, нерастиражированный, шанс – ту самую соломинку, которая уже спасла тысячи людей! Помните, скупой платит дважды: заплатите **единожды** восемь тысяч рублей, и достаток у вас в кармане! Записаться лучше прямо сейчас – количество мест в аудитории ограничено...» – в зале заерзали (прошло как минимум десять минут с тех пор, как монетки большинства слушателей оказались «приклеенными»), потом заговорили в голос и, наконец, осмелились спросить у «лектора», что же *с этим* – далее следовал некий жест, направленный в сторону как будто бы все еще головы – делать. Хулимов отвечал, что ритуальная часть прошла успешно, а посему можно положить деньги в кошель и ни в коем случае не вынимать оттуда как минимум три месяца. «И что потом?» – раздался робкий голос Суховой, как будто не ее. «Увидите!» – ответил маг и, как показалось нашей heroИне, даже подмигнул ей.

На выходе из зала толпа сжала Сухову так, что та несколько секунд не могла вздохнуть – народ ринулся к лоткам, на коих разложены были хулимовские творения. Пробриться к ним, впрочем, казалось делом практически безнадежным: тетеньки грудастые и худосочные, дяденьки толстые и тонкие – все они, как один, в одночасье решившие изменить существование в сказочном Здесь и Сейчас, считали себя достойными лучшего и большего, каждый надеялся на чудо, которое – о, *chudo!* – наконец-то осчастливит их, «слив» энергетические помои, которые они не без тайного удовольствия копили всю свою (и хотелось бы сказать *сознательную*) ж. Сухова тоже мечтала Об Избавлении, и потому решила поторопиться – не то «все разберут», и «счастья» ей не достанется. Втиснувшись в самую гущу (в ход пошли прежде всего колени и локти), ценой невероятных – кто-то сказал бы «неженских» – усилий, Сухова оказалась, наконец, у прилавка и, стараясь не смотреть в глаза молоденькой продавщицы (на самом деле, heroИне нашей стало невероятно стыдно), с искренним ужасом кричащей: «Если будете напирать, прекращу торговлю! Если не перестанете, торговля будет прекращена! Все слышат?.. Если будете...», заорала, чтобы перебить налегающих на нее братьев и сестр по разуму: «Мне – всё!», а, отстегнув энную сумму, в считанные секунды была выдвлена ими из чрева чудища обло.

⁴³ Желудок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.